

- [Уильям Шекспир](#)
 - [Действующие лица](#)
 - [АКТ I](#)
 - [АКТ II](#)
 - [АКТ III](#)
 - [АКТ IV](#)
 - [АКТ V](#)
 - [«ОТЕЛЛО»](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
-

Уильям Шекспир
Отелло

Действующие лица

Дож Венеции.

Брабанцио, сенатор.

Другие сенаторы.

Грациано, брат Брабанцио.

Отелло, родовитый мавр на венецианской службе.

Кассио, его лейтенант, то есть заместитель.

Яго, его поручик.

Родриго, венецианский дворянин.

Монтано, предшественник Отелло по управлению Кипром.

Шут, в услужении Отелло.

Дездемона, дочь Брабанцио и жена Отелло.

Эмилия, жена Яго.

Бьянка, любовница Кассио.

Моряки, гонцы, глашатаи, военные, чиновники, частные лица, музыканты и слуги.

1

Первое действие происходит в Венеции, остальные — на Кипре.

АКТ I

СЦЕНА 1

Венеция. Улица.
Входят Родриго и Яго.

Родриго

Ни слова больше. Это низость, Яго.
Ты деньги брал, а этот случай скрыл.

Яго

Я сам не знал. Вы не хотите слушать.
Об этом я не думал, не гадал.

Родриго

Ты врал мне, что его терпеть не можешь.

Яго

И можете мне верить — не терплю.
Три личности с влияньем предлагали
Меня на лейтенантство. Это пост,
Которого, ей-богу, я достоин.
Но он ведь думает лишь о себе:
Они ему одно, он им другое.
Не выслушал, пустился поучать,
Наплел, наплел и отпустил с отказом.
«Увы, — он говорит им, — господа,
Уже себе я выбрал офицера».
А кто он? Математик-грамотей,
Микеле Кассьо некий, [2](#) флорентинец,

Опутанный красоткой. Бабий хвост,
Ни разу не водивший войск в атаку.
Он знает строй не лучше старых дев.
Но выбран он. Я на глазах Отелло
Спасал Родос и Кипр и воевал
В языческих и христианских странах.
Но выбран он. Он — мавров лейтенант,
А я — поручиком их мавританства.

Родриго

Поручиком! Уж лучше б палачом!

Яго

Да, да. Он выдвигает лишь любимцев,
А надо повышать по старшинству.
У этого дождешься производства!
О нет, мне мавра не за что любить.

Родриго

Тогда б я бросил службу.

Яго

Успокойтесь.
На этой службе я служу себе.
Нельзя, чтоб все рождались господами,
Нельзя, чтоб все служили хорошо.
Конечно, есть такие простофили,
Которым полюбилась кабала
И нравится ослиное усердье,
Жизнь впроголодь и старость без угла.
Плетьми таких холопов! Есть другие.
Они как бы хлопочут для господ,
А на поверку — для своей наживы.
Такие далеко не дураки,
И я горжусь, что я из их породы.

Я — Яго, а не мавр, и для себя,
А не для их прекрасных глаз стараюсь.
Но чем открыть лицо свое — скорей
Я галкам дам склевать свою печенку.
Нет, милый мой, не то я, чем кажусь.

Родриго

У, толстогубый черт! Он с ней, увидишь,
Всего добьется!

Яго

Надо разбудить
Ее отца, предать побег огласке,
Поднять содом, воспламенить родню.
Как мухи, досаждайте африканцу,
Пусть в радости найдет он столько мук,
Что будет сам не рад такому счастью.

Родриго

Вот дом ее отца. Я закричу.

Яго

Вовсю кричите. Не жалейте глотки.
Кричите, точно в городе пожар.

Родриго

Брабанцио! Брабанцио, проснитесь!

Яго

Брабанцио, проснитесь! Караул!
Где ваша дочь? Где деньги? Воры! Воры!
Проверьте сундуки! Грабеж! Грабеж!

*Наверху в окне появляется **Брабанцио**.*

Брабанцио

Что значат эти крики? Что случилось?

Родриго

Все ваши дома?

Яго

Заперта ли дверь?

Брабанцио

К чему расспросы ваши?

Яго

Ад и дьявол!
У вас разгром. Опомнитесь, дружок.
Наденьте плащ. Как раз сейчас, быть может,
Сию минуту черный злой баран
Бесчестит вашу белую овечку.
Спешите! Мигом! Надо бить в набат,
Храпящих горожан будить. Иначе
Вас дедушкою сделают. Живей!
Спешите, говорю.

Брабанцио

Вы помешались?

Родриго

Узнали вы мой голос, сударь?

Брабанцио

Нет.
Кто ты такой?

Родриго

Родриго я.

Брабанцио

Тем хуже.
Тебя добром просили: не ходи.
Тебе сказали коротко и ясно,
Что дочь не для тебя. А ты хорош:
Черт знает где напился и наелся
И нарушаешь ночью мой покой
В нетрезвом виде!

Родриго

Сударь, сударь, сударь!

Брабанцио

Но я, поверь, сумею навсегда
Отбить охоту у тебя буянить.

Родриго

Постойте.

Брабанцио

Для чего ты поднял шум?
Ведь мы в Венеции, а не в деревне:
Есть сторожа.

Родриго

Я разбудил
Вас с лучшими намереньями, сударь.

Яго

Синьор, ради дьявола вспомните бога! Мы вам делаем одолжение, а нам говорят, что мы буяны! Значит, вам хочется, чтоб у вашей дочери был роман с арабским жеребцом, чтобы ваши внуки ржали и у вас были рысаки в роду и связи с иноходцами?

Брабанцио

Кто ты, нечестивец?

Яго

(с бесстыдством)

Я пришел сообщить вам, сударь, что ваша дочь в настоящую минуту складывает с мавром зверя с двумя спинами.

Брабанцио

Ты подлый негодяй.

Яго

А вы — сенатор.

Брабанцио

Родриго, ты ответишь мне за все.
А с этим я не знаюсь!

Родриго

И отвечу.
Но, может быть, и точно я не прав
И это с вашего соизволения
Отправилась так поздно ваша дочь
Одна, без подобающей охраны,

В сообществе наемного гребца
В сластолюбивые объятья мавра?
Тогда я извинения прошу:
Мы оскорбили вас без основания.
Но если то, что мы вам говорим,
Для вас новинка, вы не справедливы.
Я думаю, излишне уверять,
Что я б не смел подшучивать над вами.
Узнайте: ваша дочь себя ведет
Безнравственно, соединив без спросу
Свое богатство, честь и красоту
С безродным чужеземным проходимцем.
Взгляните, дома ль барышня. Тогда
Преследуйте меня за ложность слухов.

Брабанцио

Огня скорее! Дайте мне свечу.
Эй, слуги, слуги! Как похоже это
На то, что видел я сейчас во сне!
Я начинаю думать — это правда.
Огня! Огня!
(Уходит.)

Яго

Прощайте. Я уйду.
Я не могу показывать на мавра.
Я — подчиненный мавра. Мне влетит.
Ему простят ночное приключение.
Слегка на вид поставят, вот и все.
Сенат не может дать ему отставки,
Особенно сейчас, когда гроза
Объяла Кипр и никого не видно,
Кто мог бы заменить его в беде.
Хоть я его смертельно ненавижу —
Вы сами понимаете теперь, —
Я вынужден выкидывать для виду
Пред генералом дружественный флаг.
Но это, разумеется, личина.

Когда они пойдут его искать,
Вы с ними направляйтесь к арсеналу.
Он там. Я буду тоже вместе с ним.
Но я иду. Прощайте.
(Уходит.)
Из дома выходят **Брабанцио** и *слуги с факелами*.

Брабанцио

Дело ясно.
Она ушла. Мне больше не житье. —
Итак, где эта девочка, Родриго?
Несчастливая! У мавра, говоришь? —
Считайтесь после этого отцами!
Ты видел сам ее? — Каков обман! —
Что говорит она? — Непостижимо!
Светите! И поболее людей! —
По-твоему, они уж обвенчались?

Родриго

Да, кажется.

Брабанцио

О господи! Но как
Она наружу выйти умудрилась?
Отцы, не верьте больше дочерям,
Как ни были б невинны их повадки!
Приходится поверить в колдовство,
Которым совращают самых чистых.
Тебе, Родриго, ни о чем таком
Читать не приходилось?

Родриго

Приходилось.

Брабанцио

Сходите к брату. — Жаль, что за тебя
Не отдал я ее. — Куда ж вы кучей?
Часть в эту сторону, другая — в ту.
Ты знаешь, где искать ее и мавра?

Родриго

Я покажу, но надо запастись
Надежной стражей. Следуйте за мною.

Брабанцио

Веди. Идем. Я властью облечен
Снимать, где пожелаю, караулы.
Мы их с собой захватим. Ну, идем.
Я награжу за все тебя, Родриго.

Уходят.

СЦЕНА 2

Там же. Другая улица.
*Входят **Отелло**, **Яго** и слуги с факелами.*

Яго

Хоть на войне я убивал людей,
Убийство в мирной жизни — преступленье.
Так я смотрю. Мне было б легче жить
Без этой щепетильности. Раз десять
Хотелось мне пырнуть его в живот.

Отелло

И лучше, что не тронул.

Яго

Он такими
Словами обзывал вас, что хотя
Я мягок и покладист, чуть сдержался.
Так, значит, вы женились не шутя?
Отец ее, к несчастью, с влияньем,
И в этом деле голос старика
Окажется сильнее, чем голос дожа.
Он разведет вас, истинный господь,
Или в отместку истомит судами.

Отелло

Пускай. Его заставят замолчать
Мои заслуги перед синьорией³.
А если старику не стыдно вслух
Кичиться родом, заявляю тоже:
Я — царской крови и могу пред ним
Стоять как равный, не снимая шапки.
Семьей горжусь я так же, как судьбой.
Не полюби я милой Дездемоны,
Я б ни за что женитьбой не стеснил
Своей привольной жизни, честный Яго.
Кто это там с огнями? Посмотри.

Яго

Они и есть. Отец со всей роднею.
Войдите в дом.

Отелло

Зачем? Я не таюсь,
Меня оправдывают имя, званье
И совесть. Но они ли это там?

Яго

Клянусь двуликим Янусом, что нет.

Входят Кассио и несколько дворцовых служителей с факелами.

Отелло

Военные из свиты дожа, вижу,
И мой помощник. Здравствуйте, друзья.
Что нового?

Кассио

Нас дож послал с приветом.
Он требует к себе вас, генерал.
Скорее. Торопитесь.

Отелло

Что случилось?

Кассио

Все Кипр, насколько я могу судить.
Какие-то неожиданные события.
Из флота вестовые без конца.
Сенаторы разбужены и в сборе.
У дожа совещанье во дворце.
Вас требовали, дома не застали
И в город посылали сторожей,
Чтоб вас достали хоть со дна морского.

Отелло

Тем радостней, что вы меня нашли.
Я только в этот дом зайду и выйду.
(Уходит).

Кассио

Зачем он тут?

Яго

Он нынче захватил
Галеру⁴ с грузом и разбогатеет,
Лишь только узаконит свой захват.

Кассио

Я вас не понимаю.

Яго

Он женился.

Кассио

На ком?

Яго

Не угадаете.

*Возвращается **Отелло**.*

Итак,
Идемте, генерал.

Отелло

Готов. Идемте.

Кассио

Опять за вами люди из дворца.
Вы видите?

Яго

Брабанцио, наверно.
Смотрите, берегитесь. У него
Недоброе в уме.

*Входят **Брабанцио**, **Родриго** и ночная стража с факелами и оружием.*

Отелло

Остановитесь!

Родриго

Вот мавр.

Брабанцио

Вот он, грабитель. Бей его!

С обеих сторон обнажают мечи.

Яго

К услугам вашим. Здравствуйте, Родриго!

Отелло

Долой мечи! Им повредит роса.
Ваш возраст действует на нас сильнее,
Чем меч ваш, благороднейший синьор.

Брабанцио

Презренный вор, скажи, где дочь моя?
Ты чарами ее опутал, дьявол!
Тут магия, я это докажу.
Действительно, судите сами, люди:
Красавица и ангел доброты,
Не хочет слышать ничего о браке,

Отказывает лучшим женихам
И вдруг бросает дом, уют, довольство,
Чтоб кинуться, насмешек не боясь,
На грудь страшилища чернее сажу,
Вселяющего страх, а не любовь!
Естественно ли это? Посудите,
Случается ли так без колдовства?
Ты тайно усыпил ее сознание
И приворотным зельем опоил!
Закон велит мне взять тебя под стражу
Как чернокнижника и колдуна,
Который промышляет запрещенным. —
Арестовать его, а если он
Добром не дастся, завладейте силой.

Отелло

Подальше руки, отойдите прочь!
И вы, и вы. Дойдет до крови дело, —
Я без подсказа знаю эту роль.
Куда идти мне, чтобы оправдаться?

Брабанцио

Сперва в тюрьму. Немного посидишь.
Настанет время, вызовут — ответишь.

Отелло

А вдруг и правда я вам подчинюсь?
Что скажет дож? Вот несколько посыльных.
Они сию минуту из дворца
И требуют меня туда по делу.

Первый военный

Да, сударь, положение таково:
У дожа чрезвычайное собрание.
Вас тоже ждут туда наверняка.

Брабанцио

Ночной совет у дожа? Очень кстати.
Туда с ним и пойдем. Моя беда —
Не мелочь повседневная, а случай,
Нас всех касающийся. Если мы
Начнем спускать такие покушенья,
В республике владыками судьбы
Окажутся язычники-рабы.

Уходят.

СЦЕНА 3

*Там же. Зал совета.
Дож и сенаторы за столом. Кругом военные чиновники и слуги.*

Дож

В вестях нет связи. Верить им нельзя.

Первый сенатор

В них заключаются противоречья.
Мне пишут, что сто семь галер.

Дож

А мне,
Что их сто сорок.

Второй сенатор

У меня их двести.
Понятно, что подсчет разноречив.

Он сделан по догадкам, наудачу.
Но что турецкий флот плывет на Кипр,
На этом сходятся все сообщенья.

Дож

Да, это расхождение в числе
Не может нам служить успокоеньем.
В основе — правда, и она горька.

Матрос

(за сценой)

Эй, эй, впустите!

Первый служитель

Вестовой из флота.

Входит матрос.

Дож

Ну, как у вас дела?

Матрос

Турецкий флот
Плывет к Родосу. Это донесенье
От Анджело сенату.

Дож

Господа,
Как нравится вам эта перемена?

Первый сенатор

Нелепость. Это для отвода глаз.
Какая-то тактическая хитрость.

Для турок Кипр важнее, чем Родос,
И Кипром овладеть гораздо легче.
Родос — твердыня, Кипр — не укреплен,
Не так наивны турки, чтоб не видеть,
Где вред, где польза, и не отличать
Полнейшей безопасности от риска.

Дож

Нет, нет, конечно, цель их не Родос.

Первый служитель

Еще один гонец.

*Входит **гонец**.*

Гонец

Дож и собрание!
Свершивши на галерах переход
К Родосу, турки здесь соединились
С другой эскадрой.

Первый сенатор

Вот вам, господа.
Я так и знал. Большое подкрепление?

Гонец

Судов до тридцати. Все сообща
Опять открыто повернули к Кипру.
Синьор Монтано, верный ваш слуга,
Доносит вам, что не изменит долгу.

Дож

Конечно, к Кипру. Я вам говорил!

Что, Марк Лукезе⁵ в городе?

Первый сенатор

В отъезде.

Он во Флоренции.

Дож

Послать за ним.

Потребовать письмом, пускай вернется.

Первый сенатор

А вот Брабанцио и храбрый мавр.

Входят Брабанцио, Отелло, Яго, Родриго и сопровождающие.

Дож

Отелло доблестный, мы вас должны

Немедленно отправить против турок.

Брабанцио, я не заметил вас.

Нам вашей помощи не доставало.

Брабанцио

А я нуждаюсь в вашей, добрый дож.

Не обижайтесь, но, сказать по правде,

Я по другой причине во дворце.

Не должность подняла меня с постели.

Меня сейчас волнует не война.

О нет, совсем особая забота

Все мысли поглотила у меня,

Ни для чего не оставляя места.

Дож

Но что случилось?

Брабанцио

Дочь, о дочь моя!

Дож и сенаторы

Что с ней?

Брабанцио

Она погублена, погибла!
Ее сманили силой, увели
Заклятьем, наговорами, дурманом.
Она умна, здорова, не слепа
И не могла бы не понять ошибки,
Но это чернокнижье, колдовство!

Дож

Кто б ни был вор, вас дочери лишивший,
А вашу дочь — способности судить,
Найдите сами для него страницу
В кровавой книге права и над ним
Вершите приговор. Я не вмешуюсь,
Хотя бы это был родной мой сын.

Брабанцио

Душевно благодарен. Вот виновник.
Тот самый мавр, который вызван к вам
По вашему приказу.

Дож и сенаторы

Очень жалко!

Дож
(Отелло)

Что вы нам возразите?

Брабанцио

Ничего.

Он уличен.

Отелло

Сановники, вельможи,
Властители мои! Что мне сказать?
Не буду спорить, дочь его со мною,
Он прав. Я браком сочетался с ней.
Вот все мои как будто прегрешенья.
Других не знаю. Я не говорун
И светским языком владею плохо.
Начавши службу мальчиком в семь лет,
Я весь свой век без малого воюю
И, кроме разговоров о боях,
Поддерживать беседы не умею.
Однако вот бесхитростный рассказ
О том, при помощи каких заклятий
И тайных чар завлек я дочь его,
Как жаловался вам мой обвинитель.

Брабанцио

Судите сами, как не обвинять?
Шагнуть боялась, скромница, тихоня,
И вдруг, гляди, откуда что взялось!
Все побоку — природа, стыд, приличье,
Влюбилась в то, на что смотреть нельзя!
Немыслимо такое утверждение.
Здесь происки и козни налицо.
Ручаюсь, он ее поил отравой
И волю сонной одурью сковал.

Дож

Ручаться мало. Это голословно.
Упреки ваши надо доказать.
Для обвиненья я не вижу данных.

Первый сенатор

Отелло, говорите ж наконец!
Действительно ль тут были ухищренья,
Иль это безобидная любовь,
Как зарождается она в беседе
Души с душой?

Отелло

Пошлите в арсенал.
Пускай она сама даст показанье,
А надо будет — отберите чин
И жизнь мою распорядитесь.

Дож

Доставьте Дездемону, господа.

Отелло

Поручик, покажите им дорогу.

Яго с несколькими служителями уходят.

Пока они вернутся, не таясь,
Открыто исповедаюсь пред вами,
Как я достиг ее любви и как
Она — моей.

Дож

Отелло, говорите.

Отелло

Ее отец любил меня. Я часто
Бывал у них. Рассказывал не раз
Событья личной жизни, год за годом.
Описывал превратности судьбы,
Бои, осады, все, что я изведаль.
Я снова пересматривал всю жизнь —
От детских дней до нынешней минуты.
Припоминал лишения и труды,
Испытанные на море и суше.
Рассказывал, как я беды избег
На волосок от смерти. Как однажды
Я в плен попал, и в рабство продан был,
И спасся из неволи. Возвращался
К местам своих скитаний. Говорил
О сказочных пещерах и пустынях,
Ущельях с пропастями и горах,
Вершинами касающихся неба.
О каннибалах, то есть дикарях,
Друг друга поедающих. О людях,
Которых плечи выше головы.
Рассказы занимали Дездемону,
И, отлучаясь по делам, она
Всегда старалась кончить их пораньше,
Чтоб вовремя вернуться и поймать
Утерянную нить повествованья.
Я рад был эту жадность утолять
И рад был просьбу от нее услышать,
Чтоб я ей как-нибудь пересказал
С начала до конца, что ей отчасти
Известно уж. Я начал. И когда
Дошел до первых горьких столкновений
Моей незрелой юности с судьбой,
Увидел я, что слушавшая плачет.
Когда я кончил, я был награжден
За эту повесть целым миром вздохов.
«Нет, — ахала она, — какая жизнь!
Я вне себя от слез и удивленья.
Зачем узнала это я! Зачем

Не родилась таким же человеком!
Спасибо. Вот что. Если бы у вас
Случился друг и он в меня влюбился,
Пусть вашу жизнь расскажет с ваших слов —
И покорит меня». В ответ на это
Я тоже ей признался. Вот и все.
Я ей своим бесстрашьем полюбился,
Она же мне — сочувствием своим.
Так колдовал я. Вот и Дездемона.
Теперь вы обратитесь к ней самой.

Входят Дездемона и Яго со слугителями.

Дож

Перед таким рассказом, полагаю,
Не устояла бы и наша дочь.
Брабанцио, придется примириться.
Ведь вы стены не прошибете лбом.

Брабанцио

Сперва ее послушаем, что скажет.
Конечно, если оба заодно,
То у меня нет к мавру притязаний. —
Поди поближе, госпожа моя.
Скажи, кому из этого собрания
Должна ты подчиняться больше всех?

Дездемона

Отец, в таком кругу мой долг двоится.
Вы дали жизнь и воспитанье мне.
И жизнь и воспитанье говорят мне,
Что слушаться вас — мой дочерний долг.
Но вот мой муж. Как мать моя однажды
Сменила долг перед своим отцом
На долг пред вами, так и я отныне
Послушна мавру, мужу моему.

Брабанцио

Ну, бог с тобой. — Я кончил, ваша светлость.
Приступим к государственным делам. —
Я б лучше принял девочку чужую,
Чем породил и воспитал свою!
Будь счастлив, мавр. Моя бы воля — дочери
Ты не видал бы, как своих ушей.
Тебе ж, мой ангел, вот что на прощанье:
Я рад, что ты единственная дочь.
Побег твой сделал бы меня тираном.
Я б в цепи заковал твоих сестер. —
Я кончил, ваша светлость.

Дож

Я прибавлю
Один совет для вас, чтоб молодым
Помочь опять подняться в вашем мненье.
Что миновало, то забыть пора,
И с сердца сразу свалится гора.
Все время помнить прошлые напасти,
Пожалуй, хуже свежего несчастья.
В страданиях единственный исход —
По мере сил не замечать невзгод.

Брабанцио

Что ж туркам Кипра мы не отдаем,
Когда что минуло, то нипочем?
Учить бесстрастью ничего не стоит
Тому, кого ничто не беспокоит.
А где тому бесстрастье приобрести,
Кому что пожалеть и вспомнить есть?
Двусмысленны и шатки изречения.
Словесность не приносит облегченья.
И не ушные раковины — путь
В страданиями истерзанную грудь.

Поэтому я к вам с низжайшей просьбой:
Приступим к государственным делам.

Дож

Хорошо. Итак, турки большими силами двинулись к Кипру. Отелло, устройство крепости хорошо известно вам. Хотя островом управляет человек неоспоримых достоинств, но в военное время на таком посту нужен человек, пользующийся известностью. Все высказываются за вас. Приготовьтесь омрачить ваше молодое счастье этой хлопотливой поездкой.

Отелло

Всевластная привычка, господа,
Суровости походного ночлега
Мне превращает в мягкий пуховик.
Мне по душе лишенья. Я с охотой
Отправлюсь против турок, но прошу
Отвести жене удобное жилище,
Дать содержание и назначить штат,
Приличные ее происхожденью.

Дож

Пускай живет покамест у отца.

Брабанцио

Я против этого.

Отелло

И я.

Дездемона

Я тоже.
Я буду вновь напоминать отцу
О происшедшем. Есть удобный выход.

Я вам другое средство предложу.

Дож

Что вы сказать хотите, Дездемона?

Дездемона

Я полюбила мавра, чтоб везде
Быть вместе с ним. Стремительностью шага
Я это протрубила на весь мир.
Я отдаю себя его призванию
И храбрости и славе. Для меня
Краса Отелло — в подвигах Отелло.
Мой жребий посвящен его судьбе,
И мне нельзя в разгар его похода
Остаться мирной мошкою в тылу.
Опасности милей мне, чем разлука.
Позвольте мне сопровождать его.

Отелло

Сенаторы, прошу вас, согласитесь.
Тут не своекорыстье, видит бог!
Я не руковожусь влеченьем сердца,
Которое сумел бы заглушить.
Но речь о ней. Пойдемте ей навстречу.
Не думайте, что в обществе ее
Я отнесусь небрежнее к задаче.
Нет, если легkokрылый Купидон
Глаза настолько мне залепит страстью,
Что проморгаю я военный долг,
Пусть сделают домашние хозяйки
Из шлема моего печной горшок
И тем меня навеки опозорят.

Дож

Решайте, как хотите меж собой,

Остаться ей иль ехать, но события
Торопят нас.

Первый сенатор

Вам надо выезжать
Сегодня ночью.

Отелло

Очень рад.

Дож

Сойдемся
Здесь снова к девяти часам утра.
Оставьте нам кого-нибудь, Отелло,
Кто наш приказ вам следом отвезет.

Отелло

Тогда вот мой поручик, ваша светлость.
Он преданный и верный человек.
Я думаю послать с ним Дездемону.
Он сможет все, что надо захватить.

Дож

Прекрасно! Господа, спокойной ночи. —
Вот что, Брабанцио. Ваш темный зять
В себе сосредоточил столько света,
Что чище белых, должен вам сказать.

Первый сенатор

Отелло, берегите Дездемону.

Брабанцио

Смотри построже, мавр, за ней вперед:
Отца ввела в обман, тебе солжет.

Дож, сенаторы и служители уходят.

Отелло

Я в ней уверен, как в самом себе.
Но к делу. Попеченью твоему
Я поручаю, Яго, Дездемону.
Вели своей жене ходить за ней.
Как только будет первая возможность,
Счастливи отплывайте тоже вслед.
В моем распоряженье меньше часу.
А дел, а мыслей — и не перечесть!
Пойдем, побудем вместе на прощанье.

Отелло и Дездемона уходят.

Родриго

Яго!

Яго

Что скажешь, благородная душа?

Родриго

Как ты думаешь, что я сейчас сделаю?

Яго

Пойдешь и ляжешь спать.

Родриго

Утоплюсь сию минуту.

Яго

Попробуй только это сделать, и я навсегда раздружусь с тобою.

Родриго

Глупо жить, когда жизнь стала пыткой. Как не искать смерти, своей единственной избавительницы?

Яго

Жалкий дурак! Я двадцать восемь лет живу на свете и, с тех пор как научился отличать выгоду от убытка, не видал людей, которые умели бы позаботиться о себе. Прежде чем я скажу, что утоплюсь из-за какой-нибудь юбки, я поменяюсь своей бессмертной сущностью с павианом.

Родриго

Что же мне делать? Мне самому стыдно, что я так влюбился, но поправить этого я не в состоянии.

Яго

Не в состоянии! Скажите пожалуйста! Быть тем или другим зависит от нас. Каждый из нас — сад, а садовник в нем — воля. Расти ли в нас крапиве, салату, иссопу, тмину, чему-нибудь одному или многому, загдохнуть ли без ухода или пышно разрастись — всему этому мы сами господа. Если бы не было разума, нас заездила бы чувственность. На то и ум, чтобы обуздывать ее нелепости. Твоя любовь — один из садовых видов, которые, хочешь — можно возделывать, хочешь — нет.

Родриго

Будто бы!

Яго

А то как же? Чистейшее пощущение крови с молчаливого согласия души. Будь мужчиной. Топиться! Лучше топи кошек и щенят. Я поклялся

помочь тебе. Никогда мы не были так близки к цели. Набей потуже кошелек и отправляйся с нами. Измени внешность фальшивой бородой. Не может быть, чтобы Дездемона долго любила мавра. Набей потуже кошелек. Не может быть, чтобы мавр долго любил ее. Бурное начало будет иметь бурный конец. Набей потуже кошелек. Эти мавры переменчивы. То, что теперь ему кажется сладким, как стручки, скоро станет горше хрена. Она молода и изменится. Когда она будет сыта им по горло, она опомнится. Ей потребуется другой. Набей потуже кошелек. Если обязательно надо губить себя, придумай что-нибудь поумнее, чем воду. Набей потуже кошелек. С одной стороны бывалая, хитрая венецианка, с другой — неотесанный кочевник. И я поверю в прочность их чувств! Она твоя! Набей кошелек монетами. Топиться совершенно лишнее. Пусть лучше тебя повесят после того, как ты получишь удовольствие, чем потонуть, ничего в жизни не видев.

Родриго

Ты не обманешь, если я положусь на тебя?

Яго

Не беспокойся. Набей кошелек монетами. Я часто говорил тебе и повторяю: я ненавижу мавра. У меня с ним свои счета, не хуже твоих. Сошьем нашу ненависть воедино. Наставь ему рога. Для тебя это удовольствие, а для меня еще большее торжество. Ступай. Набей кошелек монетами. Завтра поговорим подробнее. Прощай.

Родриго

Где встретимся мы утром?

Яго

У меня.

Родриго

Приду пораньше.

Яго

Ладно. Ну, Родриго?

Родриго

Что именно?

Яго

Топиться чтоб ни-ни!

Родриго

Я передумал. Заложу именье.
(Уходит.)

Яго

Мне этот дурак служит кошельком
И даровой забавою. Иначе
Я б времени не тратил на него.
Я ненавижу мавра. Сообщают,
Что будто б лазил он к моей жене.
Едва ли это так, но предположим.
Раз подозрение есть, то, значит, так.
Он ставит высоко меня. Тем лучше:
Удобней действовать. Какая мысль!
Ведь Кассио для этого находка!
Во-первых, с места я его сшибу,
А во-вторых... Ура! Ура! Придумал!
Начну Отелло на ухо шептать,
Что Кассио хорош с его женою,
Достаточно взглянуть: манеры, стан, —
Готовый, прирожденный соблазнитель.
Мавр простодушен и открыт душой,
Он примет все за чистую монету.
Водить такого за нос — сущий вздор.
Так по рукам! Кромешный ад и ночь
Должны мне в этом замысле помочь.

(Уходим.)

АКТ II

СЦЕНА 1

*Приморский город на Кипре. Крепостная площадка.
Входят **Монтано** и **два горожанина**.*

Монтано

Не видно ли чего в морской дали?

Первый горожанин

Нет. Ровно ничего. Сплошные волны.
Ни паруса. Пустынный горизонт.

Монтано

Такого ветра просто не запомню.
У нас на укреплениях треск стоит.
Воображаю, в море что творится!
Какие бруссы могут устоять,
Когда валы величиною с гору!
Небось крушений!..

Второй горожанин

Этот шторм вполне
Мог разнести турецкую эскадру.
Попробуйте-ка встать на берегу.
Он в пене весь и бешенство прибоя
Заносит брызги на небо, гася
Медведицу с Полярною звездою.
Я равной бури в жизни не видал.

Входит третий горожанин.

Третий горожанин

Какие новости! Конец войне.
Расчеты турок лопнули. Галеры
Разбиты в щепки. В гавани корабль,
С которого видали их обломки
И место гибели.

Монтано

Не может быть!

Третий горожанин

Я только что слышал. Корабль причалил
Сию минуту. На берег сошел
Микеле Кассьо, лейтенант Отелло,
Который сам пока еще в пути
И губернатором на Кипр назначен.

Монтано

Достойный губернатор. Очень рад.

Третий горожанин

Приезжий этот, Кассио, в тревоге.
То господа за шквал благодарит,
Сгубивший турок, то мольбы возносит,
Чтоб мавр остался цел и невредим.
Он по пути пропал из поля зренья.

Монтано

Дай господи. Я у него служил.
Он властвовать умеет, как военный.
Пойдемте в порт, посмотрим на корабль

И подождем на пристани Отелло,
Когда он сам покажется вдали.

Третий горожанин

Он может быть с минуты на минуту.

Входит Кассио.

Кассио

Как любят здесь Отелло! Господа,
Спасибо за него. Да будет небо
Ему защитой. Он пропал вдали
В разгаре бури, в грозную минуту.

Монтано

Каков его корабль?

Кассио

Вновь оснащен
И — крепкой стройки. С ним бывалый штурман.
Как я ни беспокоюсь, — убежден:
Все обойдется.

Голоса за сценой

Парус, парус, парус!

Входит четвертый горожанин.

Кассио

Что там кричат?

Четвертый горожанин

Все на берег бегут,
И крик стоит, что парус увидали.

Кассио

Мне думается, это он и есть.

Пушечный выстрел.

Второй горожанин

Вы угадали. Судя по салюту,
Корабль, по крайней мере, свой.

Кассио

Нельзя ль
Пойти узнать, кто это, поточнее?

Второй горожанин

Охотно.
(*Уходит.*)

Монтано

Он, как прежде, холостяк
Или женат?

Кассио

Женат, да как удачно!
На писаной красавице. Мечта,
Венец творенья, ангел, совершенство,
Не передать ни кистью, ни пером.

*Возвращается **второй горожанин**.*

Ну, вы узнали, кто это?

Второй горожанин

Какой-то Яго,
Поручик генерала, я слышал.

Кассио

Подумайте, как скоро! Быть не может!
Неужто он? Вот это быстрота!
Похоже, пред красою Дездемоны
Смирились волны, камни под водой
И ураган и дали ей дорогу.

Монтано

Кому?

Кассио

Тому, о ком шла раньше речь.
Начальнице начальства, генеральше.
При ней поручик Яго. Я их ждал
Через неделю после нас, не раньше.
Теперь черед за мавром. Напряги
Дыханьем паруса его, Юпитер,
Чтоб, высадившись в бухте с корабля,
Он заключил в объятия Дездемону,
Вдохнул огонь и бодрость в гарнизон
И Кипр наполнил радостью. Смотрите!

Входят Дездемона, Эмилия, Яго, Родриго и свита.

Богатство корабля на берегу!
Опустимся пред нею на колени.
Будь доброй гостьей Кипра, госпожа!
Благослови господь тебя! С приездом!

Дездемона

Благодарю вас, Кассио. Что мне
Вы скажете о муже?

Кассио

Он в дороге.
Вот все, что знаю я. Но он здоров
И скоро сам прибудет.

Дездемона

Я тревожусь.
Но где, скажите, вы расстались с ним?

Кассио

В открытом море, средь великой схватки
Небес и волн. — Но слышите — кричат.
Корабль, наверно, виден.

Голоса за сценой

Парус, парус!

Пушечный выстрел.

Второй горожанин

Опять салют. Наверное, друзья.

Кассио

Пошлите разузнать.

Второй горожанин уходит.

Привет, поручик.
Привет, сударыня.
(Целует Эмилию.)[6](#)

Я захожу
Далеко в знаках вежливости, Яго,
Но это — лишь воспитанности дань.

Яго

Порадуйтесь, что вас губами лижет, —
Меня отделявает языком.

Дездемона

Эмилия совсем не так болтлива.

Яго

Мне лучше знать. Я это изучил,
Когда ночами спать хочу смертельно.
При вас она, естественно, тиха
И к черту посылает только в мыслях.

Эмилия

Не заслужила я таких речей.

Яго

А разве нет? Все вы в гостях — картинки,
Трещотки — дома, кошки — у плиты.
Сварливые невинности с когтями,
Чертовки в мученическом венце.

Дездемона

Типун вам на язык! Неправда это!

Яго

Нет, это правда. Я не клеветник.
С постели вы встаете для безделья,

А делом занимаетесь в постели.

Эмилия

Я оды от него не жду.

Яго

Не жди.

Дездемона

Что мне бы в похвалу вы сочинили?

Яго

Не спрашивайте лучше. Не могу:
Я не хвалить привык, а придираюсь.

Дездемона

Нет, все-таки. — Пошел ли кто-нибудь
Узнать на пристань?

Яго

Да, пошли как будто.

Дездемона

Какая грусть! Стараюсь обмануть
Себя притворным этим оживленьем. —
Так что б вы мне сказали в похвалу?

Яго

Сейчас. Но мой экспромт пока ни с места.
Прирос к мозгам, как птичий клей к сукну.
Его я вместе с мясом отрываю.

Но вот он, плод моих родильных мук:
Красавица с умом тужить не будет:
Смекалка сыщёт, красота добудет!

Дездемона

Ну хорошо. А что сказать о той,
Которая дурна, но и не дура?

Яго

Та, что красой не блещет, но с догадкой,
Приманку сделает из недостатка.

Дездемона

Час от часу не легче!

Эмилия

Что ж ты скажешь
Про ту, что хороша, но не умна?

Яго

Таких красавиц глупых в мире нет,
Чтоб не уметь детей рожать на свет.

Дездемона

Плоские кабацкие шутки для увеселения старых дурней. Могу себе представить, как вы отпотчуете несчастную, которая нехороша собой и глупа!

Яго

Куда краса, туда же и уродство.
Что женский разум, то и сумасбродство.

Дездемона

Как глупо, как глупо! О худшей вы сказали лучше всего. Но шутки в сторону. Как бы вы определили действительно идеальную женщину, достоинства которой признало бы само недружелюбие?

Яго

Та, что без самохвальства хороша,
Учтива, краснобайством не греша,
Со средствами, но денег не мотает,
Все б взять могла, но нужным не считает,
Самолюбива, но смиряет гнев,
Собой в любое время овладев,
Та, что притом совсем не так невинна,
Чтобы с трескою спутать лососину,
К которой не проникли в тайники
Напрасные искатели руки,
Достойна, если только есть такая...

Дездемона

Чего, чего?

Яго

Рожать глупцов, в заботах погрязая.

Дездемона

О, как бездарно и глупо! Не слушай его, Эмилия, хоть он и твой муж. Ну, скажите, Кассио, что с него возьмешь, кроме сальностей и нахальства?

Кассио

Он режет начистоту. Это человек военный, а не ученый.

Яго

(в сторону)

Он берет ее за руку. Так, так. Шепчитесь, пожалуйста. В эту маленькую паутину я поймаю такую муху, как Кассио. Ах ты, боже мой, как мы воспитаны! Улыбайся, сделай одолжение. Он целует кончики своих пальцев от удовольствия. Целуй, целуй. Как-то ты еще оближешься, когда это лишит тебя лейтенантства! Скажите пожалуйста, опять зачмокал! Твое несчастье, что это пальцы, а не клистирные наконечники.

Труба за сценой.

(Громко.) Это мавр, я знаю его сигнал.

Кассио

Да, это он.

Дездемона

Пойдемте к нему навстречу.

Кассио

Вот он и сам.

*Входит **Отелло** со свитой.*

Отелло

Моя воительница!

Дездемона

Мой Отелло!

Отелло

Я верить не могу своим глазам.
Ты здесь? Как ты меня опередила?
Всегда за бурями такой бы штиль,
Кто б не мечтал тогда о непогоде!

О, если б мог сейчас я умереть!
Счастливее я никогда не буду.

Дездемона

О нет! Избави бог! Наоборот:
Жизнь будет нас дарить все большим счастьем.

Отелло

Аминь! Да будет по твоим словам.
Я счастлив так, что говорить не в силах.

Обнимаются.

И сердце бьется чаще, чем твое, —
Единственное наше разногласье.

Яго

(в сторону)

Какой концерт! Но я спущу колки,
И вы понижайте нотой запоете.

Отелло

Пройдемте в замок. Новости, друзья:
Поход окончен. Турки потонули.
Ну, как на Кипре? Я ведь тут бывал.
Что старые знакомцы, Дездемона?
Тебя носить тут будут на руках,
Я заслужил расположение здешних.
Но я трещу без умолку и пьян
От радости. Да, не забыть бы, Яго:
Пойди за сундуками на корабль
И приведи с собою капитана.
Чудесный, между прочим, человек! —
Так мы с тобой на Кипре, Дездемона.

Отелло, Дездемона и свита уходят.

Яго

(одному из слуг)

Ступай и жди меня в гавани. *(Родриго.)* Поди сюда. Если ты не баба — а любовь делает храбрыми даже трусов, — слушай. Ночью лейтенант командует караулом. Но раньше вот что: Дездемона без ума от Кассио.

Родриго

От Кассио? Что за вздор?

Яго

Без возражений! Слушай. Заметь, с какой силой она полюбила мавра. А, спрашивается, за что? За одно бахвальство и небылицы. Что же ты думаешь, она век сыта будет болтовней? Глаз нуждается в пище. Какая радость смотреть на дьявола? Когда кровь устанет от нежностей, сызнова воспалить ее могут только привлекательная внешность, общность возраста, сходное воспитание. Ничего этого нет у мавра. Ее запросы будут оставаться неудовлетворенными. Рано или поздно она это почувствует. Мавр набьет ей оскмину. Сама природа толкнет ее к другому. Тогда, если это неизбежно, кто подходит к этой роли больше, чем Кассио? Животное, каких свет не создавал, от которого так и разит беспутством. Не пропустит случая, чтобы не попользоваться, а нет случая, мигнет глазом — и будет случай. Красив, молод, и у него есть все, по чем может томиться мечтательная зеленая неиспорченность. Отъявленное и совершенно законченное животное. И женщина уже выбрала его.

Родриго

Только не эта. Не поверю. Она слишком целомудренна.

Яго

Слишком целомудренна, божий человек! Вино, которое она пьет, из гроздьев, как твое. Слишком целомудренна! Как же она тогда полюбила мавра? Разве ты не видел, целомудренная размазня, как она играла его рукою?

Родриго

Ну так что же? Это одна любезность.

Яго

Распутство, вот это что. С пальца начинается, а бог знает чем кончается. Их губы так сблизились, что смешалось дыхание. Грязные помыслы, вот это что, Родриго. Когда уже пошла такая музыка, значит, недалеко до главного. Слушайте, сударь. Я привез вас из Венеции. Под видом солдата станьте ночью на часах в замке. Я это устрою. Кассио вас не знает.⁷ Выведите его чем-нибудь из себя. Громким разговором, развязностью. Я буду поблизости.

Родриго

Хорошо.

Яго

Он вспыльчив и от слов легко переходит к действиям. Вызовите его на них. Если он даст вам тумака, я изображу это всенародным оскорблением. Жители потребуют его смещения. Помните, он наш главный соперник.

Родриго

Я все сделаю, была бы надобность.

Яго

А она есть, что тебе говорят! Итак, приходи немного погода в крепость. Прощай. Мне надо на берег за вещами Отелло.

Родриго

До свиданья. (*Уходит.*)

Яго

Я сам уверовал, что Дездемона
И Кассио друг в друга влюблены.
Хоть я порядком ненавижу мавра,
Он благородный, честный человек
И будет Дездемоне верным мужем,
В чем у меня ничуть сомненья нет.
Но, кажется, и я увлекся ею.
Что ж тут такого? Я готов на все,
Чтоб насолить Отелло. Допущенье,
Что дьявол обнимал мою жену,
Мне внутренности ядом разъедает.
Пусть за жену отдаст он долг женой,
А то я все равно заставлю мавра
Так ревновать, что он сойдет с ума.
Родриго я спущу, как пса со своры,
На Кассио, а Кассио — предлог,
Чтоб вызвать недоверчивость Отелло.
Всем будет на орехи: лейтенант
В долгу передо мной, наверно, тоже:
По женской части оба хороши.
Еще мне мавр за то спасибо скажет,
Что я сгублю его семейный мир
И на смех выставлю пред целым светом.
Но поначалу все мы молодцы.
Хвалиться рано. Надо свести концы.
(Уходит.)

СЦЕНА 2

Улица.

Входит *глашатай* с приказом. За ним следует *толпа*.

Глашатай

Благородный и доблестный генерал Отелло объявляет. По последним сведениям, турецкий флот потерпел крушение. Пусть по этому случаю

население пляшет, жжет потешные огни и забавляется, как хочет. Помимо благоприятной новости, празднуется также бракосочетание генерала. Доступ в залы дворца открыт с пяти часов вечера до одиннадцати. Да снизойдет благословение господне на остров Кипр и на благородного нашего генерала Отелло. (*Уходит.*)

СЦЕНА 3

Зал в замке.

Входят Отелло, Дездемона, Кассио и свита.

Отелло

За стражей, Кассьо, нужен строгий глаз.
Смотрите, чтоб они не загуляли.

Кассио

За часовыми Яго доглядит,
Но я и сам проверю караулы.

Отелло

Да, Яго верен долгу, как никто.
Ну, доброй ночи. Утром потолкуем.
(*Дездемоне.*)
Пойдем, любовь. Окончены труды.
Торг заключен, пожнем его плоды.
Спокойной ночи.

Отелло, Дездемона и свита уходят.
Входит Яго.

Кассио

Очень кстати, Яго! Пойдемте в караул.

Яго

Рано, лейтенант. Еще нет десяти. Генерал поторопился из любви к Дездемоне. Ничего не скажешь. Это его первая брачная ночь. А на нее загляделся бы и сам Юпитер.

Кассио

Необыкновенная женщина!

Яго

И, верно, полная огня.

Кассио

Да, несомненно. Чистое, обворожительное создание.

Яго

А взгляд! Так и манит объясниться.

Кассио

Располагающий взгляд! И, однако, совершенно скромный.

Яго

А голос? Не любовный ли сигнал?

Кассио

Да, она совершенство.

Яго

Да будет благодатен их союз. Слушайте, лейтенант. Я припас вина. Там кое-кто из здешней знати предлагает выпить за черного Отелло.

Кассио

Только не сегодня, дружочек Яго. Мне вредно пить, у меня слабая голова. Жаль, что люди не придумали другого способа общенья.

Яго

Это друзья. Только бокал. Я выпью за вас.

Кассио

Я уже выпил один. И притом разбавленного. А видите, что оно делает со мной. Говорю вам, в этом отношении я неподходящий человек, и не имею права шутить этим.

Яго

А ну вас, ей-богу! Это ночь веселья. Люди требуют.

Кассио

А где они?

Яго

За дверью. Позовите их.

Кассио

Хорошо. Но я это делаю через силу. (*Уходит.*)

Яго

Мне б только влить в него еще бокал —
И он пойдет, как дамская собачка,
На всех кидаться, тявкать и ворчать.
А тут Родриго пропивает память
В честь Дездемоны и уже готов.

Я вместе с ним поставил на дежурство
Трех здешних, три бедовых головы,
Воинственных, как все у них на Кипре.
Не может быть, чтоб Кассио стерпел
И не сцепился с этим стадом пьяниц.
Не знаю, как все будет наяву, —
Подул попутный ветер, я плыву.

Возвращается Кассио с Монтано, гости и слуги с вином.

Кассио

А мне опять навязали чарочку.

Монтано

Пустяки. Не больше пинты, слово солдата.

Яго

Вина, вина! (Поет.)
Бокалами, полными до ободка,
В бокалы ударим, ребята.
Солдат не младенец, а жизнь коротка.
За ваше здоровье, солдаты!
Вина, люди, вина!

Кассио

Чудная песня!

Яго

Я ее выучил в Англии. Пить там первые мастера. Датчане, немцы, голландцы — все это ерунда против них.

Кассио

Разве они такие пьяницы?

Яго

Англичане? Да они питьем заморят датчанина и шутя перепьют немца. Они еще раскачиваются, а голландца уже рвет.

Кассио

За здоровье нашего генерала!

Монтано

Присоединяюсь, лейтенант. Я от вас не отстану.

Яго

О чудная Англия! *(Поет.)*
Король Стефан был бережлив —
Шил из простого матерьяла.
За брюки крону заплатив,
Ругал портного обиралой.
Он был великим королем,
А ты не бог весть что за птица.
Так будь доволен миткалем,
Не в бархат же тебе рядиться.
Вина, вина!

Кассио

Эта песня еще лучше прежней.

Яго

Хотите, я повторю?

Кассио

Нет, пожалуйста. Такое поведение несовместимо с нашим званием. Но, как говорится, все под богом ходим. Есть души, которые спасутся. И есть

души, которые не спасутся. Верно я говорю?

Яго

Правильно, лейтенант.

Кассио

Например, я спасусь, не в обиду будь сказано генералу и всем вышестоящим.

Яго

И я тоже.

Кассио

Нет, позвольте. Виноват. Сначала я. Помощник генерала должен спастись раньше поручика. Однако довольно. Вернемся к нашим обязанностям.

(Роняет платок. При попытке поднять его падает на колени.)
Господи, прости нам наши прегрешения. Вы думаете, я пьян? Ошибаетесь. Вот мой поручик. Значит, это моя правая рука. А вот это моя левая рука. Нет, господа, я не пьян. Я тверд в речах и на ногах.

Все

Разумеется!

Кассио

Ага, вы сами соглашаетесь? Значит, вы не имеете права говорить, что я пьян. *(Уходит.)*

Монтано

Пойдемте на площадку, господа.
Расставим часовых.

Яго

Минуту, сударь.
Видали вы? Вот этим молодцом,
Который вышел, Цезарь бы гордился,
Когда б его дурная сторона
Не перевешивала так хорошей.
Но что скрывать, несчастный малый пьет.
Со стороны Отелло безрассудно
Вверять ему за городом надзор.

Монтано

А что, с ним это часто?

Яго

Каждый вечер.
Бедняга проваливается без сна
Сплошные сутки, если не напьется.

Монтано

Отелло это надо сообщить.
Он, может быть, не знает или видит
В помощнике лишь доброе.

Входит Родриго.

Яго

(вполголоса Родриго)

Назад!

Ходите по пятам за лейтенантом.

Родриго уходит.

Монтано

Напрасно он доверил этот пост

Несчастному с таким большим пороком.
Предупредите мавра.

Яго

Нет, не я.
Пусть кто-нибудь другой. Он мой приятель.
Я все отдам, чтоб Кассио спасти.
Но что там?

Крики за сценой

Помогите! Помогите!

*Вбегает **Кассио**, гонясь за **Родриго**.*

Кассио

Подлец! Болван!

Монтано

Что с вами, лейтенант?

Кассио

Учить меня! Читать мне наставленья!
Да я его в бутылку загоню!

Родриго

Прочь кулаки!

Кассио

Еще ты рассуждаешь!
(*Бьет Родриго.*)

Монтано

(*останавливая его*)

Опомнитесь! Пойдите, лейтенант!

Кассио

Я съезжу вас по голове! Не суйтесь!

Монтано

Вы пьяны!

Кассио

Прочь!

Дерутся.

Яго

(вполголоса Родриго)

Беги на бастион

И бей тревогу.

Родриго убегает.

Кассио! Монтано!

Опомнитесь! Оставьте, господа!

На помощь! Вы с ума сошли! На помощь!

Звон колокола.

Вот дьявол! Доигрались. Бьют в набат.

Какой позор! Вы город взбунтовали!

*Входит **Отелло** со свитой.*

Отелло

Что тут за шум?

Монтано

Я ранен! Я в крови!

(Падает.)

Отелло

Ни с места, если жизнь еще мила вам!

Яго

Вы слышите? Постойте, лейтенант!

Монтано! Господа, остановитесь!

Опомнитесь! Пред вами генерал.

Да вы, никак, ослепли, в самом деле?

Отелло

Вот зрелище! Что тут произошло?

Мы разве турки, чтобы обращаться

Друг с другом, как не стали б и они?

Сейчас же перестаньте! Душу выну

Из каждого, кто будет продолжать.

Скажите там, чтоб больше не звонили.

Так целый город можно всполошить.

Что тут случилось, господа? На Яго

От огорчения нет лица. Скажи,

Кто начал эту драку, честный Яго?

Яго

Не понимаю. Были тишь да гладь,

Как вдруг, не говоря худого слова,

Они рубиться начали. Позор!

Я б лучше в честной битве ног лишился,

Чтоб не присутствовать при их стыде.

Отелло

Как, Кассио, могли вы так забыться?

Кассио

Простите. Я не в силах говорить.

Отелло

Вы сдержанностью славились, Монтано.
Какая сила вас могла толкнуть
Свою степенность променять на имя
Ночного драчуна? Ответьте мне.

Монтано

Отелло, я, к несчастью, тяжело ранен.
Мне лучше помолчать. Вам скажет все
Поручик Яго. Он всему свидетель.
Ни в чем не грешен, или грех мой в том,
Что защищался я от нападения.

Отелло

Ну, видит бог, вся кровь во мне кипит
И ослепляет страстью! Горе, горе
Всем, на кого я руку подыму,
Хотя б зачинщик был родным мне братом!
Как ссора началась? Кто коновод?
Неслыханно! В военной обстановке,
Средь возбужденных жителей, самим
Завесть кровавый спор на карауле!
Чудовищно! Ну, Яго, говори.
Кто виноват?

Монтано

Не по-солдатски будет
Замалчивать или смягчать вину.

Яго

Оставьте. Я себе язык отрежу
Скорей, чем против Кассио скажу,
И если отвечаю, то в надежде,
Что мой ответ ему не повредит.
Как было дело? Мы стоим с Монтано.
Глядим: крича, вбегают человек.
За ним с оружием Кассио. Монтано
Стал, преграждая лейтенанту путь,
А я бегом пустился за кричавшим,
Чтоб крик его унять, но не догнал.
А позади уж стук мечей. Не верю
Своим ушам, бегу скорей назад —
И нахожу все то, что вы застали.
Вот, собственно, и все, что я видал.
Но я напомним. Люди — только люди.
Их свойство ошибаться. Признаю,
Что Кассио не прав перед Монтано,
Но тот, который скрылся и кричал,
Привел, как видно, лейтенанта в ярость,
И он вскипел.

Отелло

По доброте души
Ты, Яго, выгораживаешь друга.
Нет, Кассио вины простить нельзя.
Я, Кассио, любил тебя, но больше
Ты мне не офицер.

Возвращается Дездемона со свитой.

Но каково,
Они ведь Дездемону разбудили!
(Обращается к Кассио.)
Ты мне уроком будешь для других.

Дездемона

Что тут у вас?

Отелло

Все, милая, в порядке.
Монтано, я вас сам перевяжу,
И вас домой проводят.

Монтано уводят.

Слушай, Яго.
Понаблюдай за городом. Смотри,
Чтоб беспокойство не распространилось.
Знакомься, Дездемона, жизнь моя,
С удобствами солдатского житья.
Пойдемте спать.

Все, кроме Яго и Кассио, уходят.

Яго

Вы ранены, лейтенант?

Кассио

Смертельно.

Яго

Сохрани бог!

Кассио

Доброе имя, доброе имя, доброе имя! Я потерял свое доброе имя, бессмертную часть самого себя. Осталась одна животная. Где мое доброе имя, мое доброе имя!

Яго

Ей-богу, я думал, что вы ранены! Вот это была бы история. А то —

доброе имя! Подумаешь, какая важность! Доброе имя — выдумка, чаще всего ложная. Не с чего ему быть, не с чего пропадать. Ничего вы не потеряли, если сами себе этого не вдолбите. Есть много способов вернуть расположение генерала. Вас разжаловали для острастки. Это больше для виду. Попросите у него прощенья, и он опять растает.

Кассио

Я скорее попрошу его усилить строгости, чем потерплю у него на службе такую дрянь и пьяницу. Нарезался черт знает как и разошелся. Напыжился. Затрещал, как попугай, распетушился! Глубокомысленные разговоры с собственной тенью. Фу, какая гадость! О дух, скрытый в вине, ты оттого зовешься «спиритус», что ты сам дьявол!

Яго

За кем вы гнались с оружием?

Кассио

Понятия не имею.

Яго

Не может быть!

Кассио

Помню какую-то кашу, а по порядку ничего не помню. Была драка, а почему — черт ее знает. Господи! Самим вливать в свой рот отраву, которая превращает тебя в дурака и скотину! И еще прыгать и радоваться по этому поводу!

Яго

Сейчас у вас довольно ясная голова. Когда вы протрезвились?

Кассио

Дьяволу хмеля угодно было уступить меня дьяволу гнева. Один порок дал место другому, чтобы я полнее налюбовался собою.

Яго

Вы слишком строги. По условиям военного времени, конечно, лучше бы этого не было. Сделанного не воротишь. Но это вещь поправимая.

Кассио

Если я попрошу его вернуть мне должность, он скажет, что я пьяница. Да ведь когда бы у меня было сто ртов, как у гидры, этот ответ зажал бы их все разом. Не странно ли! Вот ты здраво рассуждаешь, и вдруг ты полоумеешь, а в следующий миг звереешь! Каждый лишний глоток — проклятье, а его содержимое — сатана.

Яго

Ну, ну, положим. Вино — хороший товарищ. Надо уметь пить. Довольно проповедовать. А теперь вот что. Надеюсь, вы знаете, как я вам предан.

Кассио

Еще бы! Я вас чудно отблагодарил: я пьян.

Яго

Ну что же! Это может случиться со всяким. Теперь слушайте. Вот что вам надо сделать. Настоящий генерал сейчас у нас генеральша. Мавр весь ушел в созерцание ее прелестей. Доверьтесь ей. Пусть она за вас заступится. Она такая великодушная! Ей кажется преступлением не сделать больше, чем ее просят. Уговорите ее восстановить узы вашей порванной дружбы с ее мужем. Увидите, они еще окрепнут.

Кассио

Спасибо за совет!

Яго

Он от любящего сердца.

Кассио

Верю. Завтра пораньше пойду к Дездемоне. Я пропал, если это не устроится.

Яго

Желаю вам успеха. Доброй ночи, лейтенант. Пойду обойду караулы.

Кассио

Спокойной ночи, честный Яго. (*Уходит.*)

Яго

Кто упрекнет теперь меня в подлоге?
Совет мой меток, искренен, умен.
Найдите лучший путь задобрить мавра,
Чем помощь Дездемоны. А она
Предрешена. Ее великодушье
Без края, как природа. Для нее
Умаслить мавра ничего не стоит.
Она его вокруг пальца обведет.
Все это можно разыграть по нотам.
Я рыцарь, если Кассио даю
Совет, как взять все эти нити в руки.
Но в этом соль: нет в мире ничего
Невиннее на вид, чем козни ада.
Тем временем, как Кассио пойдет
Надоедать мольбами Дездемоне,
Она же станет к мавру приставать,
Я уши отравлю ему намеком,
Что неспроста участлива она.
Чем будет искренней ее защита,
Тем будет он подозревать сильнее.

Так я в порок вменю ей добродетель,
И незапятнанность ее души
Погубит всех.

Входит Родриго.

Ну, как дела, Родриго?

Родриго

В этой травле я участвую не как охотничья собака, а как дворовая, для полноты своры. Я кругом издержался. Сегодня меня порядком отдули. Если так пойдет дальше, я вернусь в Венецию с некоторым опытом и без копейки денег.

Яго

Как жалки те, кто ждать не научился!
Ранения не заживают вмиг.
Мы действуем умом, а не колдуем.
Дай только срок. Дела идут на лад.
Что Кассио отдул тебя, прекрасно:
Побой он отставкой искупил.
Не всякий плод на свете скороспелка,
Но созревает все, что зацвело.
Смотри-ка, а ведь утро наступает!
И не заметили, как ночь прошла.
Ступай-ка, брат, домой. Где ты ночуешь?
Ступай, я говорю. Потом, потом.
Да что ты все торчишь?

Родриго уходит.

Еще два дела.
Эмилия попросит госпожу
За Кассио. Когда он там предстанет
С молящим видом, я к ним невзначай
С Отелло выйду как бы из засады.
Прекрасный план, и лишь зевать не надо!

(Уходим.)

АКТ III

СЦЕНА 1

Купр. Перед замком.

*Входит **Кассио** с музыкантами.*

Кассио

Какой-нибудь короткий бодрый туш.

Я, господа, не поскуплюсь на плату.

*Музыка. Входит **шут**.*

Шут

Господа, эти дудки из Неаполя? Что-то уж больно они поют в нос.[8](#)

Первый музыкант

В каком отношении, сударь?

Шут

Это, извините за выражение, не духовые инструменты?

Первый музыкант

Духовые, духовые.

Шут

Отчего же они без хвостов?

Первый музыкант

В каком, сударь, отношении?

Шут

Обыкновенно трубы для испускания духа бывают прикрыты хвостами. Но не в этом дело. Вот от генерала деньги за музыку. Он так расчувствовался, что просит перестать.

Первый музыкант

Хорошо, мы больше не будем.

Шут

Или, может быть, у вас есть что-нибудь глухое, беззвучное. Потому что главная беда — что вас слышно.

Первый музыкант

Нет, глухой музыки не водится.

Шут

Ну, тогда дудки по мешкам — и марш. Чтобы духу вашего здесь не было.

Музыканты уходят.

Кассио

Сделай милость, послушай.

Шут

Милости не сделаю, а послушать можно.

Кассио

Чем острить, вот тебе лучше золотой. Если компаньонка генеральши встала, дай ей понять, чтобы она пришла сюда.

Шут

Она встала, сударь. Я ей дам понять.

Кассио

Пожалуйста.

Шут уходит. Входит Яго.

В час добрый, милый Яго.

Яго

Вы, видно, вовсе не ложились спать?

Кассио

Ведь мы расстались с вами на рассвете.
Послал за вашею женой и жду,
Чтоб на прием проситься к Дездемоне.

Яго

Я вам ее немедленно пришлю
И уведу зачем-нибудь Отелло.
Вам будет легче говорить вдвоем.

Кассио

Премного благодарен вам за помощь.

Яго уходит.

Любезней человека не встречал.
А как он бескорыстен!

Входит Эмилия.

Эмилия

С добрым утром.
Как мне вас жалко, лейтенант!
Но все, бог даст, уладится. Супруги
Все время говорят о вас. Она
Стоит за вас горой, а он нахмурен.
Он недоволен тем, что человек,
Которого вы ранили, на Кипре
Со связями и очень здесь любим.
По-моему, вас генерал отставил
Для вашей пользы. Он вас не забыл
И, только будет случай, восстановит.
Не вмешивайтесь, чтоб не повредить.

Кассио

Но я о том с самою Дездемоной
Хочу поговорить наедине.

Эмилия

Тогда со мной пойдемте. Я устрою.
Хоть душу всю выкладывайте ей.

Кассио

Весьма меня обяжете!

Уходят.

СЦЕНА 2

Комната в замке.

*Входят **Отелло**, **Яго** и **представители Кипра**.*

Отелло

Пакеты капитану передай.

Пусть кланяется от меня сенату.

А сам на укрепления приходи,

Там и найдешь нас в сборе.

Яго

Не замедлю.

Отелло

Угодно ли вам будет, господа,

Пожаловать со мной на батарею?

Представители

Мы вас сопровождаем, генерал.

Уходят.

СЦЕНА 3

Сад в замке.

*Входят **Дездемона**, **Кассио** и **Эмилия**.*

Дездемона

Поверьте, милый Кассио, для вас

Я сделаю, что в силах.

Эмилия

Постарайтесь.
Мой муж от огорченья сам не свой,
Как будто с ним беда, а не с другими.

Дездемона

Вот это доброта так доброта!
Но, Кассио, не сомневайтесь, милый:
Я знаю, я вас с мужем помирю.

Кассио

За это, что б со мною ни случилось,
Я буду вашим преданным слугой.

Дездемона

Благодарю. Отлично это знаю.
Вы любите Отелло. Вы давно
Его узнали. Верьте, ваша ссора
Продолжится не дольше, чем того
Потребует политика.

Кассио

А если
Политика продлится без конца?
Для этого всегда найдется пища.
Судите сами: должность заместят,
Отсутствие мое войдет в привычку,
И о моем усердье генерал
Не вспомнит больше.

Дездемона

Этого не будет.
В присутствии Эмилии клянусь,
На вашу должность никого не примут.

Она за вами, слово вам даю.
Я раньше не отстану от Отелло.
Увидите, я в школу превращу
Его постель, а стол — в исповедальню.
Вы будете припевом ко всему,
О чем не заведем мы разговора.
Приободритесь, Кассио. Скорей
Ходатай ваш умрет, а не отступит.

Эмилия

Сударыня, вернулся генерал.

Кассио

Я удаляюсь, сударыня.

Дездемона

Не надо.
Останьтесь. Мы поговорим при вас.

Кассио

Нет, я в неподходящем настроенье.
В другое время. Лучше не сейчас.

Дездемона

Ну, ладно, поступайте, как хотите.

*Кассио уходит. Входит **Отелло** с бумагами и **Яго**.*

Яго

Не нравится мне это.

Отелло

Ты о чем?
Что ты бормочешь?

Яго

Ничего. Пустое.

Отелло

Не Кассио ли это только что
Ушел от Дездемоны?

Яго

Быть не может!
Как пойманный воришка? Нет, не он.
Он вида вашего б не испугался.

Отелло

Я все ж думаю, что это он.

Дездемона

Ну, как дела, мой друг? Я говорила
Сейчас с одним просителем. Бедняк
Томится тем, что ты его уволил.

Отелло

Какой проситель?

Дездемона

Как? Твой лейтенант.
Послушай, если что-нибудь я значу,
Сейчас же помирись с ним. Либо он
Вернейший из твоих друзей на свете,
Случайно оплошавший, либо я

Совсем не разбираюсь в честных лицах.
Пожалуйста, прими его назад.

Отелло

Так это он ушел сейчас отсюда?

Дездемона

Такой убитый, что со стороны
Подавлена и я его печалью.
Верни его на службу.

Отелло

Не сейчас.

Дездемона

Ну так когда же?

Отелло

Скоро, очень скоро.

Дездемона

За ужином сегодня?

Отелло

Нет еще.

Дездемона

Так завтра утром? Или за обедом?

Отелло

Я завтра уйду. Я приглашен
Обедать к офицерам гарнизона.

Дездемона

Так завтра вечером? Во вторник днем?
Ну, вечером во вторник? В среду утром?
Ты только назови точнее день,
И чтобы срок не превышал трех суток.
Я знаю, надо показать пример,
Чтоб восторжествовала дисциплина.
Но он ведь сознает свою вину,
Которая, по совести, ничтожна.
Ну так скажи, когда ему прийти?
Я попросту удивлена, Отелло.
Не представляю, чтобы ты просил
О чем-нибудь, а я бы отказала
Или так долго мешкала в ответ.
А речь о ком? О Кассио! Том самом
Прятеле и дружке жениха,
Который так нас поженить старался,
И вспыхивал, и за тебя стоял,
Когда я осуждать тебя решалась.
И надо тратить столько слов и сил
На очевидность?

Отелло

Хорошо. Довольно.
Пускай приходит. Все равно когда.
Как отказать тебе?

Дездемона

Не вздумай только,
Что это жертва. Дело не во мне.
Я попросить могла бы с тем же правом,
Чтоб ты надел перчатки, закусил
И, выходя, оделся потеплее.

Нет, если я когда-нибудь решу
Твою любовь подвергнуть испытанью,
Я что-нибудь назначу потрудней.
А это что!

Отелло

Я отказать не в силах.
Ну, а теперь я занят. Извини.
Оставь меня, пожалуйста, на время.

Дездемона

Изволь. Не буду спорить. Будь здоров.

Отелло

Спасибо. Я приду сию минуту.
Будь счастлива.

Дездемона

Эмилия, пойдем.
Располагай собою как угодно.
Я подчиняюсь.
(Уходит с Эмилией.)

Отелло

Радость ты моя!
Пусть суждена мне гибель, скрыть не в силах:
Люблю тебя, и если разлюблю,
Наступит хаос.

Яго

Генерал, скажите...

Отелло

Да, Яго. Что?

Яго

Скажите, генерал,
Знал Кассио о вашем увлеченье
До вашей свадьбы?

Отелло

Знал. Конечно знал.
А что такое?

Яго

Так, соображенья.
Хочу сличить их, вот и все.

Отелло

Сличить?

Яго

Он с нею был знаком до вас?

Отелло

Конечно.
И между нами выступал не раз
Посредником.

Яго

Посредником?

Отелло

Конечно.

А что дурного в этом? Разве он
Не стоил этого доверья?

Яго

Стоил.

Отелло

И оправдал, как видишь.

Яго

Оправдал.

Отелло

Так чем ты озабочен?

Яго

Озабочен?

Отелло

Да что с тобою? Что ты задолбил
И повторяешь все за мной, как эхо?
В чем дело? Так ли мысль твоя страшна,
Что ты ее боишься обнаружить?
Столкнулись с Кассио — нехорошо.
Меня он сватал к ней — опять неладно!
Что у тебя в уме? Ты морщишь лоб,
Как будто в черепе твоём запрятан
Какой-то ужас. Если ты мне друг,
Открой мне все.

Яго

Надеюсь, вам известно,

Как я вам предан?

Отелло

Именно затем,
Что мне известно, как ты прям и честен
И слов не стал бы на ветер бросать,
Пугают так меня твои намеки.
Полуслова — язык клеветника,
Но у порядочного человека
Такие недомолвки — крик души,
Которая не вынесла молчанья.

Яго

Мне Кассьо честным кажется.

Отелло

И мне.

Яго

Все быть должны, чем кажутся.

Отелло

Бесспорно.

Яго

Вот Кассио и честный человек.

Отелло

Нет, так нельзя. На что ты намекаешь?
Ты что-то знаешь. Без обиняков!
Все худшее, что ты таишь, — наружу!

Яго

Повиноваться старшим, генерал, —
Долг воина, но оглашать догадки
Не входит и в обязанность раба.
Сказать, что думаешь? А если мысли
Кошунственны и ложны, точно грязь
В святилище или в суде неправда?

Отелло

Ты губишь друга, если сознаешь,
Что он в беде, и не предупреждаешь.

Яго

Оставьте. У меня несчастный нрав:
Повсюду в жизни чудятся мне козни.
Для вас спокойней будет и верней
Мои слова оставить без вниманья.
Несовместимо с совестью, умом,
Неосторожно, неблагоразумно
Вас посвящать во все, чем полон я
Из мнительности.

Отелло

Говори яснее.

Яго

Нетронутое имя, генерал,
Для женщин и мужчин всего дороже.
Кто тащит деньги — похищает тлен.
Что деньги? Были деньги, сплыли деньги.
Они прошли чрез много тысяч рук.
Иное — незапятнанное имя.
Кто нас его лишает, предает
Нас нищете, не сделавшись богаче.

Отелло

Во имя неба, говори ясней!

Яго

Хотя б вы сердце мне руками сжали,
Не буду, не могу и не хочу.

Отелло

Так вот как!

Яго

Ревности остерегайтесь,
Зеленоглазой ведьмы, генерал,
Которая смеется над добычей.
Блаженны потерпевшие мужья,
Которые все знают и остыли
К виновницам позора. Но беда,
Когда догадываешься и любишь,
Подозреваешь и боготворишь.

Отелло

Да, это ад.

Яго

Бедняк, довольный жизнью,
Владеет состояньем. Но богач
Который ждет все время разоренья,
Раздет до нитки. Господи, спаси
От ревности моих друзей и близких!

Отелло

Постой. Зачем ты это говоришь?
Ты думаешь, я жизнь бы мог заполнить
Ревнивыми гаданьями? О нет.
Я все решил бы с первого сомненья.
Что я, козел, чтоб вечно вожделеть
И, растравляясь призраком измены,
Безумствовать, как ты изобразил?
О нет, меня не сделает ревнивцем
Признание света, что моя жена
Красива, остроумна, хлебосольна,
Умеет общество занять, поет
И пляшет. Если хороша основа,
То и придатки эти хороши.
Я также не страдал бы от сравненья
Моей невзрачности с ее красотой:
Видала, думаю, что выбирала.
Нет, Яго, я сначала посмотрю,
Увижу что-нибудь, проверю,
А выясню, до ревности ли тут?
Тогда прощай любовь, прощай и ревность.

Яго

Я очень рад и докажу теперь
Вам преданность свою гораздо шире.
Улик покамест нет, но мой совет —
Следите за женой и лейтенантом,
Без вспышек страсти, трезво, вот и все.
Я б не хотел, чтоб вашей добротою
Играли за спиною вам во вред.
Я вдоволь изучил венецианок!
Лишь небу праведному видно то,
Чего мужья их не подозревают.
Стыда в них нет, лишь след бы замести.

Отелло

Ты вот о чем!

Яго

А что ж, супруга ваша
Другая, полагаете? Она
Отца ввела пред свадьбой в заблуждение:
Сгорала к вам любовью, а сама
Прикидывалась, что терпеть не может.

Отелло

Да, это так.

Яго

Вот я и говорю:
Когда до брака так она хитрила,
Что дело представлялось колдовством,
Что ж после брака? Впрочем, извините.
Куда меня признанья завлекли!

Отелло

Нет, нет, спасибо!

Яго

К сожаленью, вижу,
Я этим вас немного огорчил.

Отелло

Ничуть, нисколько.

Яго

Огорчил, конечно.
Но сделал это слепо вас любя.
Во всяком случае, не забывайте:
В моих словах нет ровно ничего,

Что позволяло б делать заключенья
И придавать им слишком точный смысл.

Отелло

Не бойся.

Яго

Это было бы ошибкой.
Прошу заметить, Кассио — мой друг.
Нет, генерал, вас это огорчило.

Отелло

Что, собственно? Я в чистоте жены
Еще не усомнился.

Яго

Слава богу.
Пошли господь здоровья ей и вам!

Отелло

И все же, уклоненья от природы...

Яго

Вот именно. Примеры под рукой.
Естественно ли это отчужденье
От юношей ее родной страны?
Не поражают ли в таких примерах
Черты порока, извращенья чувств?
Я это отношу не к Дездемоне,
О ней определенных данных нет.
Но есть опасность, как бы, отрезвевши
И сравнивая вас и земляков,
Она не пожалела.

Отелло

До свиданья.
Ступай. Узнаешь больше, сообщи.
Вели жене следить за Дездемоной.
Прощай, прощай.

Яго

(уходя)

Прощайте, генерал.

Отелло

Зачем женился я? Мой сторож чести
Гораздо больше знает, чем сказал.

Яго

(возвращаясь)

А главное, не надо углубляться
В вопросы эти дальше, генерал.
Все предоставьте времени. Взысканья
Я с Кассио пока бы не снимал.
Он превосходный офицер, конечно,
Но я его держал бы в стороне,
Чтоб наблюдать за ним на расстояние.
Следите, как проявит госпожа
Свое участие в судьбах лейтенанта.
А в заключение должен повторить:
Я по натуре склонен к ложным страхам.
Наверно, я хватаю через край.
Не думайте о Дездемоне плохо.

Отелло

Не беспокойся, я себя сдержу.

Яго

Еще раз до свиданья.

(Уходит.)

Отелло

Этот малый

Кристалльной честности и знает толк

В вещах и людях. Если это правда

И будут доказательства, что ты

Дичаешь, мой неприрученный сокол,

Прощай, лети, я путы разорву,

Хотя они из нитей сердца сшиты.

Я черен, вот причина. Языком

Узоров не плету, как эти франты.

Я постарел. Но что я говорю!

Я потерял ее, и я обманут.

Мне может только ненависть помочь.

О ужас брачной жизни! Как мы можем

Считать своими эти существа,

Когда желанья их не в нашей воле?

Я б предпочел быть жабою на дне

Сырого подземелья, чем делиться

Хоть долею того, что я люблю.

Высокое неприложимо в жизни.

Все благородное обречено.

Неверность будет лгать, а верность верить.

Возвращаются Дездемона и Эмилия.

Но вот и Дездемона. Если так

Глядит притворство, небеса притворны.

Я этому поверить не могу.

Дездемона

Отелло, что с тобой? Пора обедать,

Все собрались, и гости ждут тебя.

Отелло

Прости меня.

Дездемона

Ты говоришь так тихо!
Ты нездоров?

Отелло

Да, голова болит.

Дездемона

Все оттого, что ты недосыпаешь.
Дай обмотаю голову платком,
И все пройдет.

Отелло

Он слишком мал. Не надо.

Отстраняет платок, она роняет его.

Пойдем.

Дездемона

Жаль, что тебе нехорошо.

Отелло и Дездемона уходят.

Эмилия

Я рада, что нашла ее платок,
Который подарил ей мавр на свадьбу.
Мой муж все просит — укради его,
Но госпожа, по настоянию мавра,
Платок все время держит при себе
И говорит с ним и его целует.

Вот я теперь сниму с него узор,
По просьбе Яго. Небесам известно,
Какая до платка ему нужна.
Пусть радуется. В этом нет труда.

Возвращается Яго.

Яго

Ты тут одна? Зачем ты тут торчишь?

Эмилия

Оставь ворчать. Есть для тебя вещица.

Яго

Уж я воображаю!

Эмилия

Угадай!

Яго

Вещица эта — глупая супруга.

Эмилия

Вот как? И это все? А что ты дашь
За этот платок в вознаграждение?

Яго

Какой платок?

Эмилия

Какой платок? Платок,

Подаренный Отелло Дездемоне,
Который ты просил меня украсть.

Яго

И ты украла?

Эмилия

Нет, он, видно, выпал
У ней из рук. Я с полу подняла.

Яго

Давай сюда скорее. Молодчина!

Эмилия

Скажи, зачем ты требовал его
Без отступа?

Яго

(вырывая платок)
Тебе какое дело?

Эмилия

Не трогай лучше, знаешь, Госпожа
Сойдет с ума, узнавши о пропаже.

Яго

Помалкивай, что ты его нашла.
Он мне для дела очень нужен. Выйди.

Эмилия уходит.

Подброшу Кассио. Пусть свой платок
Увидит мавр в квартире лейтенанта.

Ревнивца убеждает всякий вздор,
Как доводы Священного писанья.
Сразит и этот. Мавра не узнать,
Так действует уже моя отрава.
Сомненья разгораются не вдруг,
А медленно, как сера под землею.

*Возвращается **Отелло**.*

Вот он идет. Уже ему ни мак,
Ни сонная трава, ни мандрагора,
Ничто, ничто не восстановит сна,
Которым спал он нынешнею ночью.

Отелло

Как! Изменять!

Яго

Довольно, генерал.
Оставьте эти мысли.

Отелло

Сгинь! Исчезни!
Ты жизнь мою в застенки обратил.
Пускай меня и больше б обманули,
Да я б не знал.

Яго

Нет, что вы, генерал!

Отелло

Часы, когда она принадлежала
Другому, не заботили меня.
Я их не видел и о них не ведал

И в следующую за ними ночь
Спал сладко с ней, спокоен был и весел.
Я на губах у ней не находил
Осадка Кассиевых поцелуев.
Тот не ограблен, кто не сознает,
Что он ограблен.

Яго

Это грустно слышать.

Отелло

Я был бы счастлив, если б целый полк
Был близок с ней, а я не знал об этом.
Прощай, покой! Прощай, душевный мир!
Прощайте армии в пернатых шлемах,
И войны — честолюбье храбрецов
И ржущий конь, и трубные раскаты,
И флейты свист, и гулкий барабан,
И царственное знамя на парадах,
И пламя битв, и торжество побед!
Прощайте, оглушительные пушки!
Конец всему — Отелло отслужил.

Яго

Неужто, генерал!

Отелло

Мерзавец, помни:
Ее позор ты должен доказать!
Вещественно, мерзавец, помни это!
А то, клянусь бессмертием души,
Собакой лучше бы тебе родиться,
Чем гневу моему давать ответ.

Яго

Вот до чего дошло!

Отелло

Дай мне увидеть
Ее вину иль так в ней убеди,
Чтоб места не осталось для сомненья.
Удостоверь, не то беда тебе.

Яго

Мой генерал...

Отелло

А если ты порочишь
Ее безвинно, мучая меня,
То больше не молись. Греси без страха
И не раскаивайся. Громозди
Злодейство на злодейство. Перед этим
Должно все побледнеть, и уж ничто
Твоих грехов не увеличит больше.

Яго

Вы слышите, святые небеса!
Вы человек иль нет? Где ваше сердце!
Бог с вами и со службой. Ухожу.
Дурак я, что полез с своею правдой,
Чтоб град упреков выслушать в ответ.
О лживый мир! Полезная наука.
Опасно людям правду говорить.
Я больше мыслей никогда не выдам,
Когда они ведут к таким обидам.

Отелло

Постой. На вид ты должен быть правдивым.

Яго

На вид мне следовало быть умней.
Правдивостью спасибо не заслужишь.

Отелло

Должно быть, Дездемона мне верна,
А может, нет. Ты мне не лгал, должно быть,
А может, лгал. Я требую улик.
Ее безукоризненное имя
Луны белее было, а теперь
Черно, как я, от твоего доноса.
Я жажду ясности. На свете есть
Ножи, костры, колодцы, петли, яды.
Я не прощу. Но мне недостает
Уверенности.

Яго

Вижу, вы в волнение.
Душой скорблю, что я тому виной.
Так вы хотите ясности, сказали?

Отелло

Хочу? Нет, больше, я ее добыюсь.

Яго

Но как, скажите? Что такое ясность?
Хотите ли вы подглядеть тайком,
Когда он с нею будет обниматься?

Отелло

Смерть и проклятье!

Яго

Нелегко людей
Застать за этим делом. Пожелаем,
Чтоб, кроме них, ничей досужий взгляд
Не падал никогда на их объятья.
Тогда как быть? Как их поймать? Они
Не пара обезьян, не волк с волчицей.
Таких улик в моем запасе нет,
Но косвенные данные в наличье,
И вы всегда их можете иметь.

Отелло

Они должны быть неопровержимы!

Яго

Невыгодная роль, но я креплюсь.
Я сам зашел из дружбы так далеко.
Так вот. Я как-то с Кассио лежал
На койке. У меня болели зубы.
Я спать не мог. Беспечный ветрогон
Во сне всегда выбалтывает тайны.
Таков и Кассио. И слышу я:
«Поосторожней, ангел Дездемона.
Нам надобно таить свою любовь».
Он крепко сжал мне руку и со страстью
Стал целовать, как будто с губ моих
Срывал он с корнем эти поцелуи,
И положил мне ногу на бедро.
Потом, вздохнув, пролепетал: «О горе!
Зачем ты в руки мавра отдана!»

Отелло

Чудовищно! Чудовищно!

Яго

Ведь это
Во сне происходило.

Отелло

Но в каком!
Как уличает это сновиденье!

Яго

Особенно в ряду других улик.

Отелло

Я разорву злодейку!

Яго

Хладнокровней.
Еще мы не наткнулись ни на что.
Быть может, наши подозрения ложны.
Вы не видали у нее платка,
Расшитого цветами земляники?

Отелло

Я ей его на свадьбу подарил.

Яго

Ах, вот как? Я не знал. Но дело вот в чем:
Я видел, Кассио платком
Сегодня утирал свой подбородок.

Отелло

О, если это тот...

Яго

Тот иль не тот,
Платок — ее, и это лишний довод
В придачу к тем, которые слабей.

Отелло

О, если б раб жил тысячею жизнью!
Для полной мести мало мне одной.
Теперь я вижу, это правда, Яго.
Гляди, я дую на свою ладонь
И след любви с себя, как пух сдуваю.
Развеяна. Готово. Нет ее.
О ненависть и месть, со мною будьте
И грудь раздуйте мне шипеньем змей!

Яго

Спокойней. Тише.

Отелло

Крови, крови, крови![10](#)

Яго

Еще вы передумаете.

Отелло

Нет.
Нет, Яго, никогда! Как в Черном море
Холодное течение день и ночь
Несется неуклонно к Геллеспонту[11](#),
Так и кровавым промыслам моим
До той поры не будет утоленья,
Пока я в мщенье их не изолью.
(Становится на колени.)

Клянусь тобой, мерцающее небо:
В святом сознание этих страшных слов,
Даю обет расплаты.

Яго

Не вставайте.
(Тоже становится на колени.)
Вы все свидетели, огни планет,
Кружащиеся в небесах, что Яго
Себя, свой ум и руки отдает
На службу оскорбленному Отелло.
Я все беспрекословно совершу,
Что скажете, вплоть до пролития крови.

Оба встают.

Отелло

Союзник мой, я не благодарю,
Но сразу же ловлю тебя на слове:
Чтобы в три дня, не позже, я узнал
О смерти Кассио.

Яго

Мой друг погублен.
Приказ свершен. Но ей оставьте жизнь.

Отелло

О нет, проклятье ей, гулящей твари!
Проклятье ей! Не покидай меня.
Пойдем обсудим, как бы поскорее
Прикончить дьяволицу. Ты теперь
Мне будешь лейтенантом.

Яго

Ваш навеки.

Уходят.

СЦЕНА 4

Перед замком.

Входят Дездемона, Эмилия, шут.

Дездемона

Не скажешь ли, голубчик, где живет лейтенант Кассио?

Шут

Не скажу.

Дездемона

Что так?

Шут

Он человек военный, а это народ бедовый. Поди узнай, как на него потрафить. Это военный секрет.

Дездемона

Что же тогда делать?

Шут

Не скажу. Это тоже военная тайна.

Дездемона

Не возьмешься ли ты разыскать его и передать ему кое-что на словах?

Шут

Отчего же! Это в пределах человеческих возможностей.

Дездемона

Скажи, чтобы он пришел сюда. Я склонила генерала в его пользу, и есть надежда, что все уладится.

Шут уходит.

Куда, Эмилия, могла девать
Я свой платок?

Эмилия

Сударыня, не знаю.

Дездемона

Охотней потеряла б кошелек,
Набитый золотыми. Но, по счастью,
Отелло — умница и не похож
На пошляков-ревнивцев. Чтоб иначе
Подумал он?

Эмилия

Отелло не ревнив?

Дездемона

Конечно, нет. Тропическое солнце
Все эти недостатки выжгло в нем.

Эмилия

Вот он идет.

Дездемона

Не дам ему покоя,
Покамест Кассио он не простит.

*Входит **Отелло**.*

Ну, как тебе?

Отелло

Мне лучше.
(*В сторону.*)
Я не в силах
Притворствоваться. — Как поживаешь ты?

Дездемона

Спасибо, превосходно.

Отелло

Дай мне руку.
Какая влажная!

Дездемона

Ее пока
Ни годы, ни заботы не сушили.

Отелло

Такая влажность — несомненный знак
Уступчивости и любвеобилья.
Горячая, горячая рука
И — влажная.¹² Такую руку надо
Смирять молитвой, строгостью, постом

И умерщвлением плоти. В ней есть дьявол.
Он бесится и выделяет пот.
Рука, которая готова сыпать
Подарками.

Дездемона

Ты вправе так сказать:
Я сердце в ней свое тебе вручила.

Отелло

Хорошая и щедрая рука!
Встарь руку отдавали вместе с сердцем,
А в наши дни лишь руки отдают.

Дездемона

Мне трудно продолжать в подобном духе.
Как обещание твое, скажи?

Отелло

Какое обещание, голубка?

Дездемона

Я Кассио велела разыскать
И привести к тебе для примиренья.

Отелло

Меня сегодня насморк одолел.
Дай мне платок.

Дездемона

Пожалуйста.

Отелло

Не этот.

Ты знаешь, тот.

Дездемона

Его со мною нет.

Отелло

Действительно?

Дездемона

Действительно.

Отелло

Печально.

Платок достался матушке моей

В подарок от ворожеи-цыганки.

Та уверяла, что, пока платок

У матери, он к ней отца привяжет

И сохранит ей красоту. Когда ж

Она его отдаст иль потеряет,

Отец к ней должен охладеть

И полюбить другую. Перед смертью

Мать отдала платок мне, завещав

Дать в будущем его своей невесте.

Я так и сделал. Береги платок

Заботливее, чем зеницу ока.

Достанься он другим иль пропади,

Ничто с такой бедою не сравнится.

Дездемона

Неужто?

Отелло

Правда. Он из волокна
С магическими свойствами. Сивилла,
Прожившая на свете двести лет,
Крутила нить в пророческом безумье.
Волшебная таинственная ткань
Окрашена могильной краской мумий.

Дездемона

Неужто это правда?

Отелло

Говорят.

Дездемона

Так лучше бы его я не видала!

Отелло

Ага! А что так?

Дездемона

Что ты говоришь
Со мною так стремительно и дико?

Отелло

Платок потерял? Где он? Говори.

Дездемона

О боже!

Отелло

Говори.

Дездемона

Нет, не потеряю.
А если потеряла, что тогда?

Отелло

Как, что тогда?

Дездемона

Платка я не теряла.

Отелло

Так принеси его и покажи.

Дездемона

Могу, но после. Это отговорки,
Чтобы о Кассио не говорить.
Прими обратно Кассио на службу.

Отелло

Так принеси платок. Мне в этом всем
Мерещится недоброе.

Дездемона

Послушай,
Ты никого достойней не найдешь.

Отелло

Платок!

Дездемона

Давай о Кассио сначала.

Отелло

Платок!

Дездемона

Он трудности делил с тобой
И на слепой любви к тебе построил
Всю жизнь свою.

Отелло

Платок!

Дездемона

Нет, так нельзя!

Отелло

Прочь с глаз моих!
(Уходит.)

Эмилия

И это не ревнивец?

Дездемона

Таким его я вижу в первый раз.
В платке, наверно, правда что-то скрыто.
Я просто вне себя, что он пропал.

Эмилия

Живешь два года с мужем, не узнаешь.
Мужчина — брюхо, женщина — еда.
Он жрет тебя и жрет, и вдруг отрыжка.
Вот Кассио и Яго.

*Входят **Кассио** и **Яго**.*

Яго

Без нее
Не обойтись. Вот, легки на помине,
Немного понастойчивее с ней.

Дездемона

Что скажете мне, Кассио?

Кассио

Все то же.
Пожалуйста, вступитесь, госпожа.
Мне не житье, пока я не оправдан
Единственным, кто мне дороже всех.
Ужасна неизвестность. Если грех мой
Так тяжек, что его не искупить
Ни прошлою, ни будущею службой,
Пускай мне скажут. Твердо это знать
Мне будет некоторым облегченьем.
Я волей-неволей примирюсь
И счастья поищу в другом призванье.

Дездемона

Мой благородный Кассио, увы!
На мавра потеряла я влиянье.
Мой муж с недавних пор не прежний муж.
Он изменился. Это превращенье
Так велико, что только внешний вид
Еще мне говорит, что он — Отелло.

Пусть ангел мой хранитель за меня
Так молится, как мужа я молила
За вас, но он лишь гневался в ответ.
Немного потерпите. Все, что можно,
Я сделаю, и больше чем могу.
Я думаю, что этого довольно.

Яго

Он сердится?

Эмилия

Он только что ушел
В каком-то непонятном раздраженье.

Яго

Он сердится? Я видел, как пред ним
Взлетело несколько солдат на воздух
И в десяти шагах от нас ядро
Ударило в его родного брата.
Но духа он и тут не потерял.
И если он не стал владеть собою,
То, видимо, на то причины есть.
Пойду поговорю с ним.

Дездемона

Сделай это.

Яго уходит.

Быть может, из Венеции письмо
Или на Кипре заговор открылся,
Но неприятности или дела
В нем облаком затмили ясность мысли.
Мы раздражаемся по пустякам,
Когда задеты чем-нибудь серьезным.

Бывает, палец заболит, и боль
Передается остальному телу.
Мужья не боги, требовать от них
Вниманья, как от женихов, нет смысла.
Брани меня, Эмилия, за то,
Что я его напрасно осуждала.
Я ошибалась. Он не виноват.

Эмилия

Дай бог, чтоб это были в самом деле
Заботы службы, а не ревность к вам.

Дездемона

Я повода ему не подавала.

Эмилия

Ревнивым в этом надобности нет.
Ревнуют не затем, что есть причина,
А только для того, чтоб ревновать.
Сама собой сыта и дышит ревность.

Дездемона

Да обойдет Отелло этот бич!

Эмилия

Помилуй бог!

Дездемона

Пойду его проводить.
Вы, Кассио, тут будьте под рукой.
Как раз, быть может, подвернется случай,
Я наконец его уговорю.

Кассио

Покорнейше вам благодарен.

Дездемона и Эмилия уходят.
Входит Бьянка.

Бьянка

Здравствуй,
Дружище Кассио!

Кассио

Какими ты
Судьбами, здесь красавица Бьянка?
Я собирался только что к тебе.

Бьянка

А я к тебе. Но слыханное ль дело?
Исчезнуть на семь дней и семь ночей!
Ушел и как сквозь землю провалился.
А шутка ли — сто шестьдесят часов!

Кассио

Прости меня, Бьянка. Я был занят.
Живу не сладко. Чуть освобожусь,
Мы это наверстаем. Вот, Бьянка,
(*давая ей платок Дездемоны*)
Пожалуйста, такой же вышей мне.

Бьянка

Откуда это? Новая подруга?
Так вот ты с кем неделю пропадал?
Теперь мне все понятно, все понятно.

Кассио

Брось тотчас к черту свой ревнивый бред.
Платок от женщины, уж ты решила?
Нет, Бьянка, нет.

Бьянка

Откуда ж он тогда?

Кассио

Не знаю сам. Он у меня валялся.
Мне нравится узор. Сними его,
Пока платка обратно не спросили.
Ну, а теперь оставь меня.

Бьянка

Зачем?

Кассио

Да я тут дожидаюсь генерала
И в женском обществе бы не хотел
Ему попасться.

Бьянка

Это что за новость?

Кассио

Не думай, что тебя я не люблю.

Бьянка

Вот именно, как этого не думать?
Пройдись со мною несколько шагов.

Ты вечером ко мне придешь сегодня?

Кассио

Далеко проводить я не могу.
Мне встреча здесь назначена по делу.
А вечером приду.

Бьянка

Не обмани.
Я скромная, довольствуюсь, чем можно.

Уходят.

АКТ IV

СЦЕНА 1

*Кипр. Перед замком.
Входят **Отелло** и **Яго**.*

Яго

Вы так считаете!

Отелло

А как же, Яго?

Яго

Что поцелуй тайком...

Отелло

Обман и грязь.

Яго

И голый с другом лежать в постели
В границах добродетели нельзя?

Отелло

В границах добродетели раздевшись!
Зачем так сложно и так тяжело
Хитрить пред чертом и морочить небо!

Яго

Когда не происходит ничего,
То это все простительная вольность.
Но перейдемте к случаю с платком.

Отелло

Да, да.

Яго

Он мой. Я дал его жене в подарок.

Отелло

Ну, ну.

Яго

Теперь он стал ее. Она вольна
Отдать его кому-нибудь другому.

Отелло

Честь — это тоже собственность ее.
Она вольна располагать и этим?

Яго

Честь — это призрак. Честь — другой вопрос.
Честь — то, чего у многих не бывает.
Из хвастающих ею. Но платок...

Отелло

Хочу забыть, а ты напоминаешь!
Как ворон над жилищем, где чума,
Так это слово в памяти витает.
Ты говоришь, платок мой у него?

Яго

В том нет беды.

Отелло

Но в этом нет и счастья.

Яго

Зачем значение придавать тому,
Что без стыда наглец и соблазнитель,
У женщины добившись своего,
Трубит повсюду о своей победе?

Отелло

Он вслух о ней болтал?

Яго

Болтал.

Отелло

Что? Что?

Яго

То, от чего всегда он отречется.

Отелло

Но все-таки.

Яго

Он говорил...

Отелло

Итак?

Яго

Что он лежал...

Отелло

С кем? С ней?

Яго

Да. Нет. Увольте.

Отелло

Лежал. Прижимался. Он ее бесславит. И в каких выражениях! Прижимался. Это мерзость. Платок. Заставить сознаться. Платок. Заставить сознаться и повесить. Нет, сначала повесить, а затем заставить сознаться. Я весь дрожу. Не поддаваться этой помрачающей боли без проверенных сведений! Боже, как я подумаю!.. Носы, уши, губы. Тьфу! Я падаю. Заставить сознаться. О, дьявол! *(Падает без чувств.)*

Яго

Хвалю, мое лекарство. Действуй, действуй!
Так ловят легковых дураков.
Так женщин незапятнанных порочат. —
Очнитесь, успокойтесь, генерал!

Входит Кассио.

Любуйтесь, лейтенант.

Кассио

Что с ним случилось?

Яго

Да видите, падучая опять.
Второй припадок в продолжение суток.

Кассио

Виски потрите.

Яго

Нет, избави бог.
Болезнь должна идти своим порядком,
А то несчастный с пеной на губах
Начнет беситься. Он пошевелился.
Ступайте. Он сейчас придет в себя.
Чуть я освобожусь, мне надо с вами
Потолковать.

Кассио уходит.

Что с вами, генерал?
Вы шишки не набили?

Отелло

Ты смеешься?

Яго

Нет. Я — над вами? Боже упаси!
Переносите по-мужски обиду.

Отелло

Рога — отличие чудищ и зверей.

Яго

Немало же тогда зверей и чудищ
Средь наших населенных городов.

Отелло

Так это правда? Он не отрицает?

Яго

Мужайтесь, генерал. Вы не один.
Любой женатый — в вашем положении.
Миллионы спят на проходных дворах,
Которые зовутся брачным ложем.
Вам легче: вы без розовых очков.
Какое издевательство природы —
С развратницами нас соединять
И заставлять нас верить в их невинность!
Нет, если так, то я желаю знать
Про свой позор и что с женой мне делать.

Отелло

Ты умница. Ты совершенно прав.

Яго

Я вот что придумал. Я вас спрячу,
Но хватит ли у вас на это сил?
Во время вашего припадка — к слову,
Нехорошо так распускать себя —
Явился Кассио. Я догадался
Услать его и объяснил, как мог,
Ваш обморок. Но он сейчас вернется.
Хотите, заведу с ним разговор?
Хотите, незаметно посмотрите
На выражение его лица,
Улыбочки, злорадство и презрение

К той, о которой будет речь? Я вновь
Его заставляю повторять сначала,
Давно ль и сколько раз, где и когда
Бывал он близок с вашею женою.
Увидите ужимки. — Черт возьми,
Нельзя ли поспокойнее, однако!
Ведь если дальше так пойдет,
Я просто уважать вас перестану.

Отелло

Я обещаю все перенести,
Зато потом не буду знать пощады.

Яго

Всему свой срок. Вам прятаться пора.

Отелло прячется.

Под видом рассказней о Дездемоне
Я Кассио про Бьянку расспрошу.
Особа эта шлюха по призванию
И этим зарабатывает хлеб.
Она пылает к Кассио любовью
По роковой судьбе таких девиц.
Всю жизнь она обманывала многих,
Чтоб быть обманутой одним.
О ней без смеха он не может слышать.
Вот он идет.

Входит Кассио.

Когда дурак заржет,
Отелло просто на стену полезет,
В ревнивом ослеплении отнеся
Смех и развязность Кассьо к Дездемоне. —
Что слышно, лейтенант?

Кассио

Одна печаль.

И я не лейтенант, как вы сказали.

Яго

Но будете. Просите госпожу.

Вот если б званья возвращала Бьянка,

Ждать не пришлось бы.

Кассио

Ждать бы не пришлось.

Отелло

(в сторону)

Скажи пожалуйста, уже смеется!

Яго

Она в вас до безумья влюблена.

Кассио

Да, влюблена, мне кажется, безумно.

Отелло

(в сторону)

Не отрицает и не может скрыть.

Яго

Скажите правду, Кассио...

Отелло

(в сторону)

Он просит

Порассказать подробней. Хорошо.

Яго

Вы собираетесь на ней жениться?
Она так уверяет.

Кассио

Ха-ха-ха!

Отелло

(в сторону)

Смеешься? Торжествуй. Ты пожалеешь.

Кассио

Жениться! Вот умора! На такой!
Еще я, слава богу, не рехнулся.
Ха-ха-ха!

Отелло

(в сторону).

Так, так, так. Дорого тебе обойдется этот смех.

Яго

Ей-богу, ходит слух, что вы на ней женитесь.

Кассио

Какое вранье!

Яго

Зачем мне врать?

Отелло

(в сторону)

Словно меня нет на свете!

Кассио

Дура сама это распространяет. Она в это верит на основании своих собственных чувств. Я ей ничего не обещал.

Отелло

(в сторону).

Яго делает мне знаки. Сейчас он перейдет к делу.

Кассио

Да вот она была тут недавно. Она меня просто преследует. Как-то разговариваю я на берегу с несколькими венецианцами. Откуда ни возьмись, эта краля, и прыг ко мне на шею. Вот так! Ха-ха-ха! И вот так!

Отелло

(в сторону)

Наверное, он передразнивает, как она визжит: «О мой Кассио!»

Кассио

И плачет, и обнимает, и тащит с собой. Ха-ха-ха!

Отелло

(в сторону)

Теперь он показывает, как она увлекает его в мою спальню. О, я хорошо вижу твой нос, но пока еще не вижу нос собаки, которой я брошу его на съеденье!

Кассио

Надо будет поскорее расстаться с нею.

Яго

Глядите, ей-богу, вот она!

Кассио

Хорек ненасытный! И как надушилась!

Входит Бьянка.

Долго ли ты будешь бегать за мною?

Бьянка

Нет уж, извини. Побегают за тобой черт и его бабушка. Получай назад свой платок, окаянный! Дура я, что взяла его. Вышей ему такой же! Вы слышали что-нибудь подобное? Нашел у себя в комнате и не знает чей. Так я и поверила! Какой-нибудь шлюхи память, а я буду снимать с него узор! Нет уж, пожалуйста!

Кассио

Что ты, ненаглядная Бьянка! Что ты, что ты!

Отелло

(в сторону)

Праведное небо, это мой платок!

Бьянка

Если хочешь, приходи сегодня ужинать со мной. А если не сегодня, приходи когда вздумаешь. *(Уходит.)*

Яго

Бегом, бегом за ней!

Кассио

Пожалуй, правда. Еще поднимет шум на улице.

Яго

Вы действительно пойдете ужинать к ней?

Кассио

Да, я думаю.

Яго

В таком случае, я приду тоже. Надо поговорить.

Кассио

Прекрасно! Только наверняка.

Яго

Посмотрим. Догоните ее.

Кассио уходит.

Отелло

(выступает вперед)

Яго, как мне убить его?

Яго

Как он гордится своей низостью! Вы заметили?

Отелло

О Яго!

Яго

А вы узнали платок?

Отелло

Это действительно мой?

Яго

Разумеется, ваш. Видите, как мало он ценит эту сумасбродку, жену вашу. Она дарит ему платок, а он отдает его своей сударушке.

Отелло

Я хотел бы убивать его девять лет подряд. Действительно, сумасбродка. Обольстительная! Божественная!

Яго

Вам пора забыть об этом.

Отелло

Да, Яго. Я хочу, чтобы она сгнила, пропала и была осуждена сегодня же ночью. Я не дам ей прожить дня. Сердце мое обратилось в камень. Ударишь — ушибешь об него руку. Все это так. Но не было на свете создания более неотразимого. Ее место рядом с каким-нибудь повелителем мира, чтобы делить с ним жизнь и вдохновлять его.

Яго

Нет, думать так вам больше не годится.

Отелло

Чтоб ее черт побрал! Это верно. Я только вспоминаю. Какова рукодельница! А как понимает музыку! Ее пеньем можно приручить лесного медведя. Женщина неистощимого ума и воображения.

Яго

Тем, стало быть, хуже.

Отелло

О, в тысячу раз! И притом с такой способностью нравиться!

Яго

Даже слишком большою.

Отелло

Справедливо. Но ведь жалко, Яго! О, какая жалость, какая жалость!

Яго

Ну, если вам так жалко, выдайте ей доверенность на совершение дальнейших низостей. Дело только в вас. Никого это не касается.

Отелло

Я изрублю ее на мелкие кусочки. Обманывать меня!

Яго

Безобразница.

Отелло

И с кем! С моим подчиненным!

Яго

Тем более!

Отелло

Какой-нибудь отравы, Яго, сегодня же. Я не буду вступать с ней в объяснения, чтоб не поддаться ее обаянию. Так помни, сегодня же. Достанешь, Яго?

Яго

Зачем яд? Лучше задушите ее в постели, которую она осквернила.

Отелло

Хорошо. Хорошо. Знаешь, это справедливая мысль. Это мне нравится.

Яго

А расправиться с Кассио предоставьте мне. Ночью кое-что услышите.

Отелло

Великолепно!

Труба за сценой.

Что там за труба?

Яго

Известье из Венеции, наверно.

Вон Лодовико с вашею женой.

Входит Лодовико, Дездемона и свита.

Лодовико

Душой рад встрече, генерал.

Отелло

И я.

Лодовико

Привет вам от сенаторов и дожа.

(Подает ему письмо.)

Отелло

Почтительно целую их печать.

(Прикладывает к губам письмо, распечатывает и читает.)

Дездемона

С какими новостями, Лодовико?

Яго

Большое удовольствие и честь
На Кипре вас приветствовать.

Лодовико

Спасибо.
Как лейтенанта Кассио дела?

Яго

Он жив.

Дездемона

У лейтенанта с генералом
Большой разрыв. Надежда вся на вас.
Вы сблизите их.

Отелло

Ты такого мнения?

Дездемона

Не слышу.

Отелло

(читает)

«В исполнение привести
Немедленно».

Лодовико

Он к вам не обращался,
А погружен в приказ. Так между ним
И Кассио размолвка?

Дездемона

Да, к несчастью.
Я все б дала, чтоб вновь их помирить,
Такую к Кассио любовь питаю.

Отелло

Огонь и сера![13](#)

Дездемона

Что ты говоришь?

Отелло

Ты что, в своем уме?

Дездемона

Какой сердитый!

Лодовико

Его расстроило письмо. Сенат
Велит ему в Венецию вернуться
И назначает Кассио на Кипр.

Дездемона

О, как я рада!

Отелло

Рада?

Дездемона

Что, мой милый?

Отелло

Я рад, что ты забыла всякий стыд. [14](#)

Дездемона

Забыла стыд. Отелло, милый?

Отелло

Дьявол!

(Ударяет ее.)

Дездемона

Ничем не заслужила!

(Плачет.)

Лодовико

Генерал,

В Венеции откажутся поверить!

Уж это слишком! Надо попросить

У ней прощенья. Дездемона плачет.

Отелло

О дьявол, дьявол! Если б земля

Давала плод от женских слез, то эти

Плодили б крокодилов. Сгинь, уйди!

Дездемона

(уходя)

Уйду, чтоб не сердить тебя.

Лодовико

Какая
Послушная! Верните, генерал,
Ее назад.

Отелло

Сударыня!

Дездемона

Мой милый?

Отелло

Ну вот она, распоряжайтесь ею.

Лодовико

Распоряжаться?

Отелло

Да. Ведь вы просили
Вернуть ее назад. Ну вот. Она
Умеет уходить и возвращаться,
И уходить, и снова приходить,
И может плакать, сударь, может плакать.
Послушная, послушная жена. —
Малеванное, грубое притворство!
Лей слезы, лей. — Я прочитал приказ
О возвращенье. — Скройся. Будет надо,
Я позову. — Я к выезду готов
В любое время. — Говорят, исчезни!

Дездемона уходит.

Дела сдам Кассио. Ну, а теперь

Прошу откусать вас сегодня с нами.
Добро пожаловать, желанный гость,
На остров Кипр. — Козлы и обезьяны!
(Уходит.)

Лодовико

И это мавр, который восхищал
Сенат уравновешенностью духа,
Которого ни бури, ни труды,
Ни страсти, ни опасности не брали?

Яго

Он очень изменился.

Лодовико

Он здоров?
Он не в бреду?

Яго

Судить о нем не смею.
Он то, что есть. А если он не то,
Чем должен быть, пусть бог ему поможет
Стать тем, чем надо.

Лодовико

Бить свою жену!

Яго

Как это ни противно, я желал бы,
Чтоб это было худшим из всего.

Лодовико

Что, эта грубость у него в привычке

Или его так взволновал приказ?

Яго

Не спрашивайте. Мне не подобает
О том распространяться, что видал.
Успеете понаблюдать и сами.
Мне не придется много прибавлять.

Лодовико

Мне жаль, что в мавре так я ошибался.

Уходят.

СЦЕНА 2

Комната в замке.

*Входят **Отелло** и **Эмилия**.*

Отелло

Вам не бросилось ничего в глаза?

Эмилия

Дурного ничего не замечала.

Отелло

Вы Кассио видали вместе с ней?

Эмилия

Что ж тут такого? Все их разговоры
Я слышала до слова.

Отелло

И они
Друг с другом не шептались?

Эмилия

Не шептались.

Отелло

И вас за дверь не посылали?

Эмилия

Нет.

Отелло

За веером, перчатками и маской?

Эмилия

Ни разу.

Отелло

Удивительная вещь!

Эмилия

За честность Дездемоны, генерал,
Я душу прозакладывать готова.
А вам иначе думать — стыд и грех.
А если эти пакостные мысли
Вам нашептал какой-нибудь подлец,
Пусть ползает, проклятый, в наказание
Навек в пыли, как искусьитель-змей.

Уж если Дездемона не образчик
Правдивой, верной, любящей жены,
На свете браков нет, одна подделка.

Отелло

Скажите ей, что я ее зову.

Эмилия уходит.

Святая простота! На то и сводня.
Расспрашивать ее — могила, гроб.
А не поверят — бухается наземь
И руки к небу. Знаем, знаем вас!

Входит Дездемона с Эмилией.

Дездемона

Ты звал меня?

Отелло

Да. Подойди поближе.

Дездемона

Что ты желаешь?

Отелло

Прямо посмотреть
В глаза тебе.

Дездемона

Что за причуда, право?

Отелло

(Эмилии)

Теперь оставьте парочку, кума,
Заприте дверь и караульте выход.
Пройдет кто, кашлем подавайте знак.
Займитесь промыслом своим, хозяйка.

Эмилия уходит.

Дездемона

Взываю на коленях, объясни,
Что это значит? До меня доходит
Какой-то ураган в твоих словах,
Но не слова.

Отелло

Кто ты?

Дездемона

Твоя супруга,
Тебе и долгу верная жена.

Отелло

Попробуй подкрепить все это клятвой
И душу в тот же миг свою сгуби.
Решись поклясться, что не изменила.

Дездемона

Клянусь, и это знают небеса!

Отелло

Они тебя изменницею знают.

Дездемона

Кому я изменяла? С кем? Когда?

Отелло

Нет, Дездемона. Прочь! Прощай! Развейся!

Дездемона

Ужасный день! Ты плачешь? Отчего?
Скажи мне, я ли этих слез причина?
Ты, верно, думаешь, что мой отец
Виновен в том, что ты отозван с Кипра?
Все может быть, но ведь терплю и я.
Он также ведь и от меня отрекся.

Отелло

Пускай я чем-то бога прогневил.
Над непокрытой головой моею
Он мог излить несчастье и позор,
По горло утопить меня в лишениях,
Сгноить в бездействии. Среди этих мук,
Мне верится, в углу душевном где-то
Я б силы почерпнул все это снесть.
Иное дело быть живой мишенью
Насмешек, чтоб кругом смотрели все
И каждый тыкал пальцем. Но и это
Я вынес бы. И это. Без труда.
Но потерять сокровищницу сердца,
Куда сносил я все, чем был богат...
Но увидеть, что отведен источник
Всего, чем был я жив, пока был жив...
Но знать, что стал он лужею, трясиной
Со скопищем кишмя кишущих жаб...
Терпенье, херувим светлейший рая,
Стань ада грозной фурией теперь!

Дездемона

Надеюсь, ты в меня, как прежде, веришь?

Отелло

О да, как в мух на бойне в летний день,
Которые кладут яички в мясо!
Чарующая сорная трава,
Благоухающая так, что больно,
Зачем ты есть, зачем ты родилась?!

Дездемона

Скажи, в чем грех мой? Что я совершила?

Отелло

Ты для того ль бела, как белый лист,
Чтоб вывести чернилами «блудница»?
Сказать, в чем грех твой, уличная тварь,
Сказать, отребье, что ты совершила?
Стыдом я щеки раскалю, как горн,
Когда отвечу. Выговорить тошно.
Нет сил. На небе зажимают нос,
И месяц закрывается, и ветер,
Целующий все вещи на земле,
Так он распутен, прячется от срама,
А ты не знаешь, шлюха без стыда,
Что совершила ты, что совершила?

Дездемона

Ты не имеешь права, видит бог,
Так обижать меня!

Отелло

Так ты не шлюха?

Дездемона

Христом клянусь, что нет! Когда беречь
Себя от посторонних посягательств
Для мужа в непорочной чистоте
Не значит шлюхой быть, то я не шлюха.

Отелло

Не шлюха?

Дездемона

Нет, пускай погибну я!

Отелло

Не может быть.

Дездемона

Вступись, святое небо!

Отелло

Ну, виноват. А я предполагал,
Что ты — дитя венецианских улиц
В супружестве с Отелло.
(*Громким голосом.*)
Ну, кума,
Привратница греха, входите, можно.

Входит Эмилия.

Вы угадали, речь о вас, о вас.
Довольно. Выпустите нас наружу.
Вот за молчанье вам и за труды.
(*Уходит.*)

Эмилия

Что он сказал? Сударыня, что с вами?
Что с вами, госпожа?

Дездемона

Я как во сне.

Эмилия

Что с господином?

Дездемона

С кем?

Эмилия

Что с господином?

Дездемона

Кто господин твой?

Эмилия

Тот же, что и ваш.

Дездемона

Нет у меня на свете господина.
Не спрашивай, Эмилия. Нет слов.
Не в силах говорить, не в силах плакать.
Нет слез, и нет ответа, кроме слез.
Застелишь свадебными простынями
Постель сегодня. Яго позови.

Эмилия

Какая перемена!

(Уходит.)

Дездемона

Заслужила!

Так мне и надо! Но за что, за что?

Что я себе позволила такого,

Чтоб так меня жестоко оскорблять?

Возвращаются Эмилия и Яго.

Яго

Вы звали, госпожа? Что тут случилось?

Дездемона

Сама не знаю. Взрослые с детьми

Должны быть ласковыми и простыми.

Он мог меня помягче пожурить:

В сравнение с ним ведь я еще ребенок.

Яго

Но суть-то в чем?

Эмилия

Ты б сам послушал. Мавр

Ругал ее последними словами.

И все сносить? Ты шлюха, говорит.

Дездемона

Скажи, я заслужила это имя?

Яго

Какое?

Дездемона

То, что ты сейчас слышал
Из уст Эмилии. Я заслужила?

Эмилия

Ты шлюха, говорит. Карманный вор
Сожительницу так честить не станет.

Яго

За что ж он так?

Дездемона

Ума не приложу!
Но что не заслужила, это знаю.

Яго

Не плачьте. Что за новая напасть!

Эмилия

Затем ли бросила она знакомых,
Отца, родимый край и женихов,
Чтоб шлюхой угостили? Как не плакать!

Дездемона

Судьба, как видно.

Яго

Постыдился б он!
Откуда это?

Дездемона

Небесам известно.

Эмилия

Увидите, что эту клевету
Взвел на нее своей корысти ради
Какой-нибудь отъявленный подлец.
Увидите, что это подтвердится.
Хоть вешайте, на этом я стою.

Яго

Таких людей не водится на свете.
Куда хватила!

Дездемона

Если есть такой,
Прости ему господь.

Эмилия

Прости веревка,
И кости у чертей в зубах прости!
Еще жалеть! За что ее звать шлюхой?
Кто ходит к ней? Когда? Каким путем?
Клянусь, какой-то плут морочит мавра,
Какой-то баснословный негодяй!
Я выследила бы его, поймала,
Да всем дала бы в руки по хлысту,
Да погнала б по всей земле каналью
С восхода до заката.

Яго

Не ори!

Эмилия

Хлестать таких! Такой же ведь молодчик
Насчет меня свихнул тебе мозги,
Что будто бы гуляю я с Отелло.

Яго

Ступай-ка, дура!

Дездемона

Яго, научи,
Как мне вернуть расположение мужа.
Поговори с ним. Светом дня клянусь,
Не знаю, как его я потеряла.
Я на коленях... Если хоть на шаг
Я отступила от любви к Отелло
Или заглядывалась на других
И если было, есть и будет время,
Что я смогу Отелло разлюбить,
Хотя б он брак со мной расторг и бросил,
Пусть я лишусь спасенья. Неприязнь —
Большое зло, но он своей враждою
Мне может жизнь разбить, а не любовь.
Мне тошно выговорить слово «шлюха»,
И быть взаправду женщиной такой
Я б не могла за все богатства мира.

Яго

Оставьте, успокойтесь. Все пройдет.
Политика, заботы. Он не в духе,
Вот вам и попадает.

Дездемона

Дай-то бог!

Яго

Уж вы поверьте.

Труба за сценой.

Трубные сигналы!

Вам ужинать пора и приглашать

К столу венецианское посольство.

Ступайте к ним. Не плачьте. Все пройдет.

*Дездемона и Эмилия уходят. Входит **Родриго**.*

Ну что, Родриго?

Родриго

Не видно, чтобы ты поступал со мной благородно.

Яго

Например?

Родриго

Каждый день ты хитришь со мной и приносишь мне больше вреда, чем пользы. Довольно! Больше этого не будет. Кроме того, я еще не решил, прощу ли тебе все, что вытерпел из-за тебя до сих пор.

Яго

Выслушайте меня.

Родриго

Я слишком долго слушал тебя! Твои слова несоединимы с делом.

Яго

Неправда, неправда.

Родриго

Правда, и, к сожалению, слишком горькая. Я разорился. За половину драгоценностей, которые я передал тебе для Дездемоны, можно было свратить монахиню. Ты говорил, что, принимая их, она подавала мне надежды. Но пока ничего не видно.

Яго

Прекрасно. Дальше.

Родриго

Вот именно, что не дальше и не прекрасно. Дальше некуда, и это отвратительно. Я прихожу к заключению, что ты вымогатель.

Яго

Прекрасно.

Родриго

Тебе сказано, что совсем это не прекрасно! Я пожалуйсь Дездемоне. Если она вернет мне драгоценности, я откажусь от своих притязаний и искуплю их раскаянием. Если нет, я сдеру с тебя полностью их стоимость.

Яго

Вы кончили?

Родриго

Да. Все это будет исполнено.

Яго

Ага! Задело за живое! Вот это я понимаю! Теперь я о тебе буду

лучшего мнения. Руку, Родриго! Ты сказал правду. Все правда, до последнего слова. И при всем том никто бы не мог постараться для тебя лучше, чем я.

Родриго

Что-то не видно.

Яго

И опять твоя правда. Не видно. И ты прав, что не веришь мне. Но давай говорить прямо, Родриго. Если ты действительно то, чем показался мне сейчас, и у тебя есть сила, отчаянность и удадь, выкажи их сегодня ночью. Если в следующую Дездемона не будет твоя, можешь зарезать меня на улице или прикончить как тебе угодно.

Родриго

Да, но что ты предлагаешь?

Яго

Чрезвычайным приказом из Венеции Кассио предложено сменить Отелло.

Родриго

Это правда? Тогда, значит, Отелло и Дездемона уедут назад в Венецию?

Яго

Нет. Он едет в Мавританию, и увезет с собою Дездемону, если только не помешает какая-нибудь непредвиденность. Например, можно было бы вывести из употребления Кассио.

Родриго

Что это значит?

Яго

Это значит, что его надо сделать неспособным занять место Отелло, разможив ему голову.

Родриго

И ты это предлагаешь мне?

Яго

Да, если ты себе желаешь добра. Сегодня он ужинает с одной девчонкой, я тоже к ним пойду. Он еще не слыхал о своем повышении. Хочешь подстеречь его? Тогда я устрою, что он пойдет домой между двенадцатью и часом, а ты напади. Я буду поблизости и подоспею. С двумя ему не справиться. Что ты разинул рот? На улице я представлю тебе такие доводы в пользу его смерти, что ты сочтешь своим долгом убрать его. Я опаздываю на ужин. Идем.

Родриго

Идем. Послушаю, что ты скажешь.

Яго

И ты согласишься, что я прав.

Уходят.

СЦЕНА 3

Другая комната в замке.

*Входят **Отелло**, **Лодовико**, **Дездемона**, **Эмилия** и свита.*

Лодовико

Пожалуйста, не надо провожать.

Отелло

Позвольте, нет. Мне хорошо размяться.

Лодовико

Сударыня, спасибо за прием.
Спокойной ночи.

Дездемона

Вы наш гость желанный.

Отелло

Итак, идем? О, Дездемона!

Дездемона

Да?

Отелло

Тотчас ложись в постель. Я сейчас приду. Отпусти Эмилию.
Слышишь, сделай это.

Дездемона

Хорошо, господин мой.

Отелло, Лодовико и свита уходят.

Эмилия

Ну, как дела? Он с виду стал добрей.

Дездемона

Он говорит, пройдет ко мне с прогулки,
Велел мне лечь и отпустить тебя.

Эмилия

И отпустить меня?

Дездемона

Так он желает.
Поэтому достань ночной наряд,
Простись со мной, Эмилия, и выйди.
Перечить нам теперь ему нельзя.

Эмилия

Он лучше б в жизни вам не попадался.

Дездемона

О, что ты! Нет, я так его люблю,
Что даже эти резкости, упрямство, —
Вот тут, пожалуйста, мне отстегни,
Спасибо! — для меня имеют прелесть.

Эмилия

Постель я застелила тем бельем,
Как вы просили.

Дездемона

Если бы случилось,
Что я из нас бы первой умерла,
Ты в эту простыню меня закутай,
Как в саван.

Эмилия

Перестаньте! Это вздор!

Дездемона

У матери моей была служанка
Варвара. Друг ее, гулявший с ней,
Был ветрогоном и Варвару бросил.
Была у ней излюбленная песнь,
Старинная, под стать ее страданию,
Про иву, [15](#) с ней она и умерла.
Вот эта ива у меня сегодня
Весь вечер не идет из головы.
Вот словно сяду, подопрусь рукою,
И, как Варвара, затяну. — Скорей.

Эмилия

Достать ночное платье?

Дездемона

Нет, не надо.
Еще вот тут булавку отколи.
Неплох собою этот Лодовико.

Эмилия

Красавец!

Дездемона

Интересно говорит.

Эмилия

Я знаю одну даму в Венеции, которая босиком спаломничала бы в Палестину за одно прикосновение его нижней губы.

Дездемона

(поет)

Несчастливая крошка в слезах под кустом

Сидела одна у обрыва.

Затянемте ивушку, иву споем,

Ох, ива, зеленая ива.

У ног сиротинки плескался ручей.

Ох, ива, зеленая ива.

И камни смягчались от жалости к ней.

Ох, ива, зеленая ива.

Все это убери. И поскорей.

Сейчас придет он.

(Поет.)

Обидчика я...

Я что-то пропустила. Чу, стучат!

Эмилия

Нет, это ветер.

Дездемона

(поет)

Обиды его помяну я добром.

Ох, ива, зеленая ива.

Сама виновата, терплю поделом.

Ох, ива, зеленая ива.

Не плачь, говорит он, не портить красоты.

Ох, ива, зеленая ива.

Я к женщинам шляюсь, шатайся и ты.

Ох, ива, зеленая ива.

Ну хорошо, ступай. Спокойной ночи.

Не знаю, что-то чешутся глаза.

К слезам, наверно?

Эмилия

Что вы!

Дездемона

Есть поверье.
Мужчины, ах, мужчины, чудаки!
Скажи, Эмилия, ты допускаешь,
Что средь замужних женщин могут быть
Обманщицы такие?

Эмилия

Допускаю.

Дездемона

Могла бы ты в обмен на целый мир
Так поступить?

Эмилия

А вы б не поступили?

Дездемона

Как перед богом, я бы не могла!

Эмилия

Я тоже не могла бы перед богом.
Но где-нибудь в потемках — отчего ж!

Дездемона

Ты б изменила?

Эмилия

За такую плату?
За целый мир? Нешуточная вещь!
Огромный мир — не малость

За крошечную шалость.

Дездемона

Нет, неправда,
Ты б не могла.

Эмилия

Ей-богу бы, могла! Сама пала бы, сама поднялась. Конечно, я бы этого не сделала за какое-нибудь жалкое колечко, два-три куска батиста, платье там какое-нибудь, юбку, шляпку и тому подобный вздор. Но за целый мир! Какая из нас не захотела бы украсить мужа рогами и положить потом целый мир к его ногам! Ради этого я пошла бы в чистилище.

Дездемона

Проклятье мне, когда б могла я пасть
Хотя б за все сокровища вселенной!

Эмилия

Да вы сообразите, этот грех был бы частью вселенной, а вся она была бы вашей. В вашей воле было бы выдать это дело за что угодно другое.

Дездемона

Я думаю, таких изменниц нет.

Эмилия

Дюжины, и сколько хотите в придачу. Можете не беспокоиться, этого добра хватит.

Мне кажется, в грехопадение жен
Мужья повинны. Значит, не усердны,
Или расходуются на других,
Или неосновательно ревнуют,
Или стесняют волю, или бьют,
Или распоряжаются приданным.

Мы не овечки, можем отплатить.
Да будет ведомо мужьям, что жены
Такого же устройства, как они,
И точно так же чувствуют и видят.
Что кисло или сладко для мужчин,
То и для женщин кисло или сладко.
Когда он нас меняет на других,
Что движет им? Погоня за запретным?
По-видимому. Жажда перемен?
Да, это тоже. Или слабоволье?
Конечно, да. А разве нет у нас
Потребности в запретном или новом?
И разве волей мы сильнее их?
Вот пусть и не корят нас нашим злом.
В своих грехах мы с них пример берем.

Дездемона

Спокойной ночи. Я другого взгляда.
Пускай корят, я исправляться рада.

Уходят.

АКТ V

СЦЕНА 1

Кипр. Улица.

Входят Яго и Родриго.

Яго

Стань за колонну. Он сейчас пройдет.
Вынь меч и действуй разом, без раздумья.
Не унывай. Я буду за углом.
Смелее. Все поставлено на карту.
Мы выиграем или пропадем.

Родриго

Не уходи на случай неудачи.

Яго

Я буду рядом. Стань, где я сказал.
(Отходит в сторону.)

Родриго

Влеченья нет убить его. А надо —
Так Яго убедил меня. Ну что ж,
На свете будет меньше человеком.
(Становится за колонну.)

Яго

Родриго я, как прыщик, расчесал.
Он распалился. Кто кого заколет?
Он Кассио, иль Кассио его,
Или друг друга оба? Все на пользу.

Останется Родриго жив — изволь
Обратно отдавать ему подарки
Для Дездемоны. Этому не быть.
А уцелеет Кассио — любуйся
Век на его счастливую звезду
И на свое уродство. Так не будет.
К тому же мавр расскажет как-нибудь,
Как я оклеветал его. Опасно.
Он должен умереть. Вот он идет.

*Входит **Кассио**.*

Родриго

Его походка. Смерть тебе, бездельник!
(Бросается на Кассио.)

Кассио

Действительно пришел бы мне конец,
Когда б на мне не этот прочный панцирь.
Каков, посмотрим, твой.
(Ранит Родриго.)

Родриго

О, я убит!

*Из засады выбегает **Яго**, наносит Кассио сзади удар в ногу и скрывается.*

Кассио

Я искалечен навсегда. Убийство!
Убийство!
(Падает.)
*В глубине показывается **Отелло**.*

Отелло

Это Кассио кричит,

И Яго исполняет обещанье.

Родриго

О, я подлец!

Отелло

Да, ясно, это он.

Кассио

Огня! Врача! На помощь!

Отелло

Он, конечно!
Поборник чести, неподкупный друг,
Ты мне пример, суровый мститель Яго,
Как тверд в решениях должен быть и я.
Лебедушка, любовник твой заколот.
Пора тебе за ним. Я не смягчусь
От вида твоего и все, тобою
Совершенное, твоею кровью смою.
(Уходит.)
Входят Лодовико и Грациано.

Кассио

Неужто ни живой души кругом?
Ни караульчиков, ни пешеходов?
Сюда! Скорей!

Грациано

Какая-то беда.
Ужасный крик.

Кассио

На помощь!

Лодовико

Вы слышали?

Родриго

О негодяй!

Лодовико

По звуку голосов,
Здесь двое или трое. Без подмоги
Не подходите. Может быть, кричат,
Чтоб заманить нас в темноте в ловушку.

Родриго

Как, никого? Я кровью истеку!

Лодовико

Слыхали?

*Возвращается **Яго** с факелом.*

Грациано

Вот вооруженный кто-то,
С огнем, полураздетый.

Яго

Кто кричал?
Кто призывал на помощь? Где убийство?

Лодовико

Не знаем.

Яго

Вы не слышали?

Кассио

Сюда!

Сюда! Во имя неба! Помогите!

Яго

В чем дело?

Грациано

Кажется, я узнаю

Поручика Отелло.

Лодовико

Угадали.

Он молодец. Не струсит.

Яго

Кто кричал?

Откликнись!

Кассио

Яго, это ты? Я гибну.

Ночной разбой какой-то! Помоги!

Яго

О боже! Лейтенант? А где злодеи?

Удрали?

Кассио

Кажется, один из них
Лежит, не встанет.

Яго

Что за безобразье!
Где негодяи? Я им покажу!
(*Лодовико и Грациано.*)
А вы кто? Помогите.

Родриго

Помогите!

Кассио

Вот нападавший.

Яго

Подлый душегуб!
(*Наносит Родриго удар кинжалом.*)

Родриго

Предатель Яго! Лютый пес смердящий!

Яго

Подкалывать прохожих в темноте!
А где другие? Город словно вымер.
Убили человека! Вы-то кто?
С благими умыслами или злыми?

Лодовико

Всмотритесь лучше.

Яго

Лодовико, вы?

Лодовико

Я.

Яго

Виноват. На Кассио напали
Грабители.

Грациано

На Кассио?

Яго

Ну как?

Кассио

Мне ногу раздробили.

Яго

Боже правый!
Огня! Рубашкою перевяжу.

Входит Бьянка.

Бьянка

Кто звал на помощь? Что тут происходит?

Яго

Вот потерпевший.

Бьянка

Кассио родной!
Мой Кассио! Мой Кассио родимый!

Яго

Заведомая уличная тварь.
У вас ни на кого нет подозрений?

Кассио

Ни на кого.

Грациано

Мне жалко, лейтенант,
Что застаю вас в этом положении.
Я вас как раз разыскивал.

Яго

Никто
Не даст мне лоскутка для перевязки?
Достать носилки б и отнести домой.

Бьянка

Он в обмороке! Кассио!

Яго

Уверен,
Это эта дрянь — сообщница убийц.
Хочу исследовать другое тело.
Огня сюда. Кто это предо мной?

Никак, согражданин мой и приятель
Родриго? Мыслимо ли? Это он!

Грациано

Родриго из Венеции?

Яго

Он самый.
Вы знаете его?

Грациано

Да.

Яго

Виноват.
Грацияно? Как же! Что за близорукость!
В переполохе я вас не узнал.

Грациано

Рад видеть вас.

Яго

Ну, Кассио, очнулись?
Носилки очень надо бы сюда.

Грациано

Родриго? Неужели?

Яго

К сожаленью.
А вот носилки.

Вносят носилки.

Милые друзья,
Снесите кто-нибудь поосторожней
Домой его, а я приду с врачом.
(*Бьянке.*)
Сударыня, вам вредно волноваться.
Лежащий тут убитый, господа,
Был другом мне. — Что, Кассио, скажите,
Произошло меж вами?

Кассио

Ничего.
Я человека этого не знаю.

Яго

(*Бьянке*)
Вы побледнели? — Унесите труп.
Вниманье, господа. — Бледнеть не надо.
Заметьте, как растеряна она.
Наверно, не с добра глаза таращит,
И скоро мы узнаем кое-что.
Виновность отражается во взгляде.
Дурная совесть говорит без слов.

Входит Эмилия.

Эмилия

Что тут случилось? Что случилось, Яго?

Яго

На Кассио напали в темноте
Родриго с кем-то. Все они бежали.
Он ранил Кассио, а сам убит.

Эмилия

Ах, бедный Кассио! Бедняк Родриго!

Яго

Смотри, вот плод распутства. Расспроси
У Кассио, где ужинал он нынче.

(Бьянке.)

Трепещите?

Бьянка

Он ужинал со мной,
Однако я не трепещу нисколько.

Яго

Он с вами был? Вас надо задержать.

Эмилия

Бессовестная шлюха!

Бьянка

Я не шлюха,
А женщина такая же, как вы.
А вы крикунья.

Эмилия

Этакая наглость!

Яго

Друзья, пойдемте лучше последим
За перевязкой Кассио.

(Бьянке.)

Пойдемте,
Потребуется показанья дать.
Эмилия, голубка, сбегай в замок,
Скажи им про ночной переполох.
(В сторону.)
Вперед! Сегодняшняя ночь, быть может,
Меня возвысит или уничтожит.

Уходят.

СЦЕНА 2

*Спальня в замке.
Дездемона в постели. Горит свеча. Входит Отелло.*

Отелло

Таков мой долг. Таков мой долг. Стыжусь
Назвать пред вами, девственные звезды,
Ее вину. Стереть ее с лица земли.
Я крови проливать не стану
И кожи не коснусь, белей чем снег
И глаже алебастра. И, однако,
Она умрет, чтоб больше не грешить.
Задую свет. Сперва свечу задую,
Потом ее. Когда я погашу
Светильник и об этом пожалею,
Не горе — можно вновь его зажечь,
Когда ж я угашу тебя, сиянье
Живого чуда, редкость без цены,
На свете не найдется Прометея,
Чтоб вновь тебя зажечь, как ты была.
Должна увянуть сорванная роза.
Как ты свежа, пока ты на кусте!
(Целует Дездемону.)
О чистота дыханья! Пред тобою

Готово правосудье онеметь.
Еще, еще раз. Будь такой по смерти.
Я задушу тебя — и от любви
Сойду с ума. Последний раз, последний.
Так мы не целовались никогда.
Я плачу и казню, совсем как небо,
Которое карает, возлюбив.
Она проснулась.

Дездемона

Это ты, Отелло?

Отелло

Да, Дездемона.

Дездемона

Ты не ляжешь спать?

Отелло

Ты перед сном молилась, Дездемона?

Дездемона

Да, дорогой мой.

Отелло

Если у тебя
Есть неотмоленное преступление,
Молись скорей.

Дездемона

Что хочешь ты сказать?

Отелло

Молись скорее. Я не помешаю.
Я рядом подожду. Избави бог
Убить тебя, души не подготовив.

Дездемона

Ты о моем убийстве говоришь?

Отелло

Да, об убийстве.

Дездемона

Господи помилуй!

Отелло

Аминь всем сердцем!

Дездемона

После этих слов,
Я верю, ты губить меня не станешь.

Отелло

Гм!

Дездемона

Но ты меня пугаешь. Ты зловец,
Когда вращаешь в бешенстве глазами,
И как я ни чиста перед тобой,
Мне страшно.

Отелло

О грехах своих подумай.

Дездемона

Единственный мой грех — любовь к тебе.

Отелло

За это ты умрешь.

Дездемона

Бесчеловечно
Отплачивать убийством за любовь!
Что ты кусаешь губы в исступленье?
Недобрый знак, но я его отнести
К себе никак, никак не в состоянье.

Отелло

Молчи!

Дездемона

Молчу. Но что произошло?

Отелло

Ты подарила Кассио на память
Подарок мой, платок.

Дездемона

Неправда, нет.
Спроси у Кассио. Души спасеньем
Клянусь, что нет!

Отелло

Опомнись! Берегись!
Не будь клятвопреступницею. Это
Твой смертный одр.

Дездемона

Увы, как всякий одр
Когда-нибудь.

Отелло

Нет, ты умрешь сегодня.
Сейчас же исповедай все грехи.
Не отрицай их. Это не поможет.
Я знаю все. Хоть это свыше сил,
Но ты умрешь.

Дездемона

Тогда о сжался, небо!

Отелло

Аминь, скажу я.

Дездемона

Пожалей и ты.
Я в жизни пред тобой не провинилась
И к Кассио питала только то,
Что чувствовать нас заповеди учат.

Отелло

Я видел сам платок в его руках.
Меня обман твой превращает в камень,
А эту искупительную смерть —
В закоренелой грешницы убийство.

Дездемона

Тогда он где-нибудь его нашел.
Платка ему я в жизни не давала.
Спроси, он подтвердит.

Отелло

Он подтвердил.

Дездемона

Что он сказал?

Отелло

Что был с тобой в сношение.

Дездемона

Как! В незаконном?

Отелло

Да.

Дездемона

Не может быть!
Он повторить не сможет.

Отелло

Да. Не сможет.
Он смолк навек. Труд этот на себя
Взял честный Яго.

Дездемона

Оправдались страхи!
Я чувствовала! Кассио убит?

Отелло

Ему б не помогло, когда бы жизнью
В нем было больше, чем волос.

Дездемона

Беда!
Он ложно оклеветан, я погибла.

Отелло

Распутница, как смеешь ты при мне
Рыдать о нем?

Дездемона

Сошли меня в изгнание,
Но жить оставь!

Отелло

Обманщица, умри!

Дездемона

Дай эту ночь прожить! Отсрочь на сутки!

Отелло

Сопротивляться?!

Дездемона

Только полчаса!

Отелло

Нет. Поздно. Решено.

Дездемона

Еще минуточку!
Дай помолиться!

Отелло

Поздно чересчур.
(*Душит ее.*)

Эмилия

(*за сценой*)
Впустите, генерал, меня! Впустите!

Отелло

За дверью шум. Жива! Еще жива?
Я — изувер, но все же милосерден
И долго мучиться тебе не дам.
Так. Так.
(*Закалывает ее.*)

Эмилия

(*за сценой*)
Впустите, генерал, меня! Впустите!

Отелло

Кто там?

Эмилия

(*за сценой*)
Словечко только, генерал!

Отелло

Эмилия! Наверно, с сообщением
О смерти Кассио! Сейчас. Сейчас.
Теперь она не вздрогнет больше.
Прошелестело что-то. Тишина.
Теперь она недвижна, как могила.
Впустить ли мне Эмилию иль нет?
Мне кажется, опять пошевелилась.
Нет, показалось. Лучше не впускать.
Едва войдет, как обратится
К моей жене. Жене? Какой жене?
Нет больше у меня жены на свете.
Какой доселе небывалый час!
Как будто в мире страшное затмение,
Луны и солнца нет, земля во тьме
И все колеблется от потрясения.[16](#)

Эмилия

(за сценой)

Пожалуйста, впустите, генерал!
Мне срочно сообщить вам что-то надо.

Отелло

Эмилия. О ней я и забыл.
Сию минуту. Я задерну полог.
(Открывает дверь.)
Пожалуйста, войдите.

Входит Эмилия.

Эмилия

Генерал,
На улице убийство.

Отелло

Быть не может!
Когда? Сейчас?

Эмилия

Недавно, генерал.

Отелло

Влияние луны. Она, как видно,
Не в меру близко подошла к земле
И сводит всех с ума.

Эмилия

Венецианец
По имени Родриго, умерщвлен
Рукою Кассио.

Отелло

Убит Родриго
И Кассио?

Эмилия

Нет, Кассьо не убит.

Отелло

Он жив? Напрасное кровопролитье!

Дездемона

Убили невинно, без вины!

Эмилия

Чей это крик?

Отелло

Какой? Кричали разве?

Эмилия

О ужас! Это голос госпожи!
На помощь! Помогите! Помогите!
Скажите, Дездемона, что-нибудь!

Дездемона

Безвинно умираю.

Эмилия

Кто убийца?

Дездемона

Никто. Сама. Пускай мой муж меня
Не поминает лихом. Будь здорова.
(Умирает.)

Отелло

Кто это сделал?

Эмилия

Это скрыто тьмой.

Отелло

Вы слышали, никто, она сказала.

Эмилия

Да, госпожа сказала, что никто.

Отелло

За эту ложь ее сожгут в геене.
Ее убийца я.

Эмилия

Тогда она
Тем больший ангел, чем ты больший дьявол.

Отелло

Она развратничала и лгала.

Эмилия

Нет, сам ты лжешь и на нее клеветешь!

Отелло

Она была коварна, как вода.

Эмилия

А ты безумен и горяч, как пламя.
Она была до святости верна.

Отелло

Ее любовник Кассио. Ты можешь
Спросить у мужа. Разве я б посмел
Расправиться без важных оснований?
За это ада было б мало мне
И глубочайшей бездны бездн. Все это
Установил твой муж.

Эмилия

Мой муж?

Отелло

Твой муж.

Эмилия

Сказал, что Дездемона изменяла?

Отелло

Да, с Кассио. Не эта бы беда,
Так я б на целый мир из хризолита
Не променял ее.

Эмилия

Мой муж?

Отелло

Ну да.
Он первый мне глаза открыл. Твой Яго
Высокой нравственности человек,
Враг мерзости.

Эмилия

Мой муж?

Отелло

Какая польза
В несчетном повторенье? Да, твой муж.

Эмилия

Ах, подлость насмеялась над любовью!
Мой муж приписывал неверность ей?

Отелло

Ты этих слов не понимаешь, что ли?
Ее проделки мне разоблачил
Твой муж и друг мой верный, верный Яго.

Эмилия

Ну, если сам ты на него не врешь,
Пускай его поганая душонка
Гниет века по полкрупинки в день.
Он страшный лжец! Она ценила слишком
Тебя, свое сокровище.

Отелло

Ха-ха-ха!

Эмилия

Что ж, смейся и язви, любитель правды.
Ты так же мало понимаешь в ней,
Как оценить жены не в состоянии.

Отелло

Помалкивайте.

Эмилия

Ты мне не грози!
Ты мне не в состоянии сделать больше,
Чем я уже и так переношу.
Глупец, болван! Бесчувственный, как камень!
Что мне твой меч? Хоть двадцать раз убей,
Я обличу тебя. Сюда! На помощь!
На помощь! Мавр убил свою жену!
Убийство! Люди добрые, убийство!

Входят Монтано, Грациано, Яго и другие.

Монтано

В чем дело, генерал?

Эмилия

Ты подроспел
Удачно, Яго. Что ж ты позволяешь
Другим валить убийство на тебя?

Грациано

В чем дело?

Эмилия

Яго, если ты мужчина,
То опровергни выдумки лжеца.
Он говорит, что ты его уверил
В измене Дездемоны. Это ложь.
Ты на такую подлость не способен.
Изобличи при всех клеветника.

Яго

Я то сказал, что думал, и не больше,
Чем он потом поверил.

Эмилия

Ты сказал,
Что Дездемона изменяет браку?

Яго

Сказал.

Эмилия

Так ты сказал сплошную ложь,
Заведомую ложь, как перед богом!
Она — и Кассио! Ты не шутя
Любовником к ней Кассио припутал?

Яго

Да, Кассио. Язык свой прикуси!

Эмилия

Не прикушу. Мой долг — сказать вам правду.
Не шутка это. Госпожа моя
Лежит убитая в своей постели.

Монтано и Грациано

Помилуй бог!

Эмилия

И твой навет виной.

Отелло

Не стойте в изумленье. Это правда.

Грациано

Чудовищная правда!

Монтано

Страшный сон!

Эмилия

Какая подлость, низость! Неотступно
Все время мысль одна меня сверлит.
Я что-то вспоминаю, вспоминаю,
Так точно я и думала тогда.
Мне жить не хочется, такая подлость!

Яго

Ты очумела? Уходи домой!

Эмилия

Вступитесь, господа! Бывало, мужа
Я слушалась, но больше не должна.
Я все скажу. Домой, быть может, Яго,
Я больше никогда не попаду.

Отелло

О! О! О! О!
(Падает на постель.)

Эмилия

Кричи, катайся, падай.
Ты умертвил честнейшую из всех,
Кого знал мир.

Отелло

(поднимаясь)
Она была распутна. —
Вы это, дядя? Я вас не узнал.
Вот мертвая племянница пред вами.
Я задушил ее. Я знаю сам,
Как это страшно и невероятно.

Грациано

Бедняжка Дездемона! Хорошо,
Что умер твой отец. Твой выход замуж

Свел в гроб его. И если б он был жив,
Он перед этим зрелищем от горя
Наговорил таких бы богохульств,
Что умер бы, забытый провиденьем.

Отелло

Смертельная тоска. Нельзя глядеть.
Но Яго выяснил. Она без счету
Распутничала с Кассьо. Лейтенант
Признался сам. Я знак ее вниманья
Видал в его руках. Тот самый знак,
Который я ей подарил на свадьбу,
Платок отца, дар матери моей.

Эмилия

О силы неба!

Яго

Замолчи, ты слышишь?

Эмилия

Не замолчу! Скажу все до конца.
Пусть речь моя шумит, как вольный ветер.
Теперь уже ни человек, ни зверь,
Ничто, ничто меня не остановит!

Яго

Опомнись! Уходи!

Эмилия

Я не уйду!

Яго пытается заколоть Эмилию.

Грациано

Позор! С мечом на женщину бросаться!

Эмилия

Пустоголовый мавр, я на полу
Нашла платок и показала Яго.
Он все просил меня его украсть,
Вот я и отдала ему находку.

Яго

Бесстыжая, молчи!

Эмилия

А ты решил,
Что у него платок от Дездемоны?
Ошибся. Я нашла его, а Яго взял.

Яго

Ты лжешь, мерзавка!

Эмилия

Нет, не лгу, неправда.
Все это так и было, господа.
Ах, черт слепой! Но что и было делать
С такой женой такому дураку?

Отелло

Как терпит небо? Нет громов в запасе?
Какой неопиcуемый злодей!

Отелло пытается заколоть Яго, но Монтано обезоруживает его. Яго

убивает Эмилию и убегает.

Грациано

Упала. Он убил свою жену!

Эмилия

Кончаюсь... С госпожою положите...

Грациано

Убил и в суматохе убежал.

Монтано

Невиданный подлец! Вооружитесь
Мечом, который я у мавра взял,
И охраняйте выход. Не пускайте
Его за дверь, хотя б пришлось убить,
Я брошусь за разбойником в погоню.

Уходят все, кроме Отелло и Эмилии.

Отелло

Я присмирел. Любой молокосос
Теперь меня обезоружить может.
Но можно ль честь блюсти без правоты?
Не стало правды, пусть и все уходит.

Эмилия

Вот почему ты пела, госпожа!
Я тоже кончусь с лебединой песнью
Я тоже иву-ивушку спою.
Она была чиста, кровавый мавр.
Она тебя любила, мавр жестокий.
Душой клянусь, я правду говорю

И с этим умираю, умираю.

(Умирает.)

Отелло

Был в комнате другой в запасе меч.

Он закален в ручье, как лед, холодном. [17](#)

Вот он. Пустите, дядя. Я пройду.

Грациано

(за сценой)

И не пытайся. Дорого заплатишь.

Ты без оружия и покорись.

Отелло

Тогда войдите, я скажу вам что-то.

А то и безоружный я прорвусь.

Входит Грациано.

Грациано

Ну, что ты скажешь?

Отелло

Я не безоружен.

Вы видите, вот меч, из всех мечей,

Бывавших у солдата, наилучший.

Бывало, я прокладывал им путь

Сквозь лес препятствий пострашнее ваших.

Но что же я хвалюсь? Теперь не то.

Кто управляет собственной судьбою?

Я не опасен, хоть вооружен.

Все пройдено, я у конечной цели.

Зачем вы в страхе пятитесь назад?

Тростинкой преградите путь Отелло,

И он свернет. Куда ему идти?

О девочка с несчастною звездою!

Ты сделалась белее полотна.
Когда-нибудь, когда нас в день расплаты
Введут на суд, один лишь этот взгляд
Меня низринет с неба в дым и пламя.
Похолодела. Холодна как лед.
Как чистота сама. Убийца низкий!
Плетьми гоните, бесы, прочь меня
От этого небесного виденья!
Купайте в безднах жидкого огня!
О горе! Дездемона! Дездемона!
Мертва! О! О! О! О!

Входят Лодовико и другие. Кассио вносят на носилках, вводят арестованного Яго.

Лодовико

Где этот пылкий бедный человек?

Отелло

Который был Отелло? Я пред вами.

Лодовико

А где ехидна эта? Подвести
Сюда злодея.

Отелло

Я копыт не вижу.[18](#)
Наверно, сказки. Если это черт,
Убить его мечом мне не удастся.
(Ранит Яго.)

Лодовико

Взять у него оружие.

Яго

Я в крови,
Но жив еще.

Отелло

Об этом не жалею.
Живи в мученьях. Счастье умереть.

Лодовико

Такой когда-то доблестный Отелло,
Который стал игрушкой подлеца,
Как мне назвать тебя?

Отелло

Как вам угодно.
Убийцей честным... Я не в гневе мстил,
А жертву чести приносил, как думал.

Лодовико

Я знаю. Этот изверг все сказал.
Вы также Кассио убить хотели?

Отелло

Да.

Кассио

К чему я повода не подавал.

Отелло

Простите. Вижу, как я ошибался.
А этому исчадью сатаны
Нельзя ль задать вопрос, с какой он целью

Моей душой и телом овладел?

Яго

Все сказано. Я отвечать не стану
И не открою рта.

Лодовико

И для молитв
В последний час?

Грациано

Мы пыткой рот откроем.

Отелло

Вот именно.

Лодовико

Узнайте, генерал,
Подробности. В кармане у Родриго
Нашли письмо от Яго. Совершить
Убийство Кассьо должен был Родриго
По наущенью Яго.

Отелло

Негодяй!

Кассио

Немыслимый!

Лодовико

А вот письмо другое.

Его писал Родриго. В нем отказ
От покушенья и других проделок,
Внушенных Яго. Данное письмо
Осталось неотосланным. Мошенник
Уговорил Родриго.

Отелло

Демон зла!
Скажите, Кассио, как очутился
У вас в руках платок моей жены?

Кассио

Платок нашел я у себя в квартире,
А, как признался Яго, он ко мне
Платок подбросил с тем, чтоб он попался
Потом к вам на глаза.

Отелло

О я глупец!
О я глупец!

Кассио

В своем письме Родриго
Пеняет Яго, для чего в ту ночь
Он к ссоре подстрекал его со мною, —
За что я и уволен. А сейчас
Лежавший долго замертво Родриго
Очнулся и пред смертью показал,
Что Яго же его и уничтожил.
Навел на грех, а после заколол.

Лодовико

Оставьте этот дом, Отелло, с нами
Пойдемте. Знайте, вы отрешены

От должности. Правителем на Кипре
Назначен Кассио. Что до раба
До этого, он будет предан казни,
Какую только можно изобрести,
Чтоб долго мучить и убить не скоро.
Вас нам придется взять под караул
На весь тот срок, пока мы не доложим
О вашем преступлении в сенат.
Пойдемте. Выведите заключенных.

Отелло

Сперва позвольте слово или два,
Потом пойдем. Я оказал услуги
Венеции. Но это знают все.
Речь не о том, я вот с какою просьбой:
Когда вы будете писать в сенат
Об этих бедах, не изображайте
Меня не тем, что есть. Не надо класть
Густых теней, смягчать не надо красок.
Вы скажите, что этот человек
Любил без меры и благоразумья,
Был не легко ревнив, но в буре чувств
Впал в бешенство. Что был он, как дикарь,
Который поднял собственной рукою
И выбросил жемчужину, ценней,
Чем край его. Что, в жизни слез не ведав,
Он льет их, как целебную смолу
Роняют аравийские деревья.
Прибавьте к сказанному: как-то раз
В Алеппо турок бил венецианца
И поносил сенат. Я подошел,
За горло взял обрезанца-собаку
И заколол. Вот так.
(Закалывается.)

Лодовико

Всему конец.

Грациано

Я потрясен!

Отелло

С прощальным поцелуем
Я отнял жизнь твою и сам умру,
Пав с поцелуем к твоему одру.
(Падает на постель и умирает.)

Кассио

Я опасался этого, но думал,
Что он разоружен. Он был во всем
Большой души.

Лодовико

(Яго)

Спартанская собака, [19](#)
Что буря, мор и голод пред тобой?
Взгляни на страшный груз постели этой.
Твоя работа. Силы нет смотреть!
Укройте их. Займите дом, Грацияно.
Вступите во владенье всем добром,
Оставшимся от мавра. Вы наследник.
(Кассио)

Вам, господин правитель, отдаю
Судить злодея. Выберите кару,
Назначьте день и совершите казнь.
А я про эту горькую утрату
С тяжелым сердцем доложу сенату.

Уходят.

«ОТЕЛЛО»

1

Трагедия «Отелло, венецианский мавр» была впервые представлена 6 октября 1604 года в честь Иакова I, незадолго перед тем торжественно вступившего в Лондон. Так как пьесы Шекспира долго не залеживались, надо думать, что трагедия была написана в том же году.

Источником ее послужила Шекспиру новелла Джиральди Чинтио «Венецианский Мавр» из его сборника «Hecatommithi» или «Сто рассказов» (1566), — 7-я новелла третьей декады. Здесь, однако, возникает трудность. Довольно сомнительно, чтобы Шекспир настолько свободно итальянским языком, что мог читать на нем достаточно сложный и обширный текст. Между тем эта новелла Чинтио была переведена на английский язык лишь в XVIII веке, и в шекспировскую эпоху мы не находим ни одной ее переработки ни в драматической, ни в повествовательной форме. Правда, в 1583-1584 годах был издан французский перевод сборника Чинтио; однако неизвестно, мог ли Шекспир читать свободно и на этом языке. Кроме того, указывалось, что в тексте «Отелло» встречаются некоторые подробности, касающиеся топографии и административного управления Венеции (см. особенно I, 1, строки 159 и 183), которые не встречаются у Чинтио и о которых Шекспиру, никогда не бывавшему в Венеции, было неоткуда узнать. На этом основании возникло даже предположение, что прямым источником Шекспира явилась не сама новелла Чинтио, а несохранившаяся восходившая к ней английская пьеса, автор которой, будучи знаком с венецианской жизнью, включил в нее и упомянутые подробности. Отсюда якобы и почерпнул их вместе с некоторыми именами (у Чинтио ни один персонаж, кроме Дездемоны, не носит личного имени, не исключая Отелло) и, может быть, кое-какими сюжетными деталями, расходящимися с Чинтио.

Такое предположение само по себе вполне возможно, если принять во внимание, с каким увлечением елизаветинские драматурги обрабатывали сюжеты итальянских новелл, а также какое огромное количество пьес того времени не дошло до нас и лишь случайно известно нам по названиям. Однако ему противоречит чрезвычайная близость трагедии Шекспира к новелле Чинтио в отношении не только фабулы, но и характеров всех

главных персонажей, делающая допущение посредствующего звена маловероятным. Поэтому мы скорее должны предположить, что Шекспир познакомился с новеллой Чинтио каким-нибудь неизвестным нам образом, подобно тому как он познакомился и с рассказом о Гамлете, содержащимся в «Трагических историях» Бельфоре, — например, из подробного пересказа ее какого-нибудь приятеля, читавшего эту новеллу в подлиннике, или из рукописного перевода ее, оставшегося почему-либо ненапечатанным. Что касается «венецианских подробностей», — кстати сказать, не столь уж многочисленных и сложных, — то Шекспир мог узнать их от какого-нибудь путешественника или из какой-нибудь книги вроде переведенного на английский язык описания Венеции Контарини (изд. в Лондоне в 1599 г.).

Познакомимся теперь с содержанием новеллы Чинтио. Мы воспроизводим в точности некоторые более важные и характерные места ее и выражения, приводя их в кавычках.

«Жил некогда в Венеции весьма храбрый Мавр, которого за его личные достоинства, а также по причине большого ума и находчивости, проявленных им в военных делах, синьория этой республики чрезвычайно ценила... Случилось так, что одна добродетельная девушка удивительной красоты, по имени Диздемона, не в силу женской чувственности, а восхищенная доблестью Мавра, полюбила его». Мавр также полюбил ее, и, хотя родители девушки очень желали выдать ее за другого, она все же вышла замуж за него. Некоторое время они жили так счастливо, что ни разу между ними не было размолвки. Но случилось так, что синьория решила послать Мавра на Кипр, назначив его военачальником гарнизона, который она там держала. Мавр был доволен оказанной ему честью, которая выпадала обычно лишь на долю людей, отличавшихся «благородным происхождением, храбростью и исключительными заслугами». Его тревожила только мысль о том, как отнесется Диздемона к трудному их переезду. Узнав об этом, Диздемона стала заверять его в готовности всюду за ним последовать, «даже если бы пришлось в рубашке идти через огонь», и прибавила: «А если тут встретятся опасности и затруднения, я готова разделить их с вами и сочла бы, что вы мало меня любите, если хотите меня оставить в Венеции или если подумали, что я предпочту сама остаться здесь в безопасности, вместо того чтобы разделить опасности с вами». Мавр был счастлив услышать это, и вскоре они уехали на Кипр.

В отряде Мавра был некий Прапорщик, человек приятнейшей наружности, но самой порочной натуры, какая только может быть на свете. Мавр очень любил его, не подозревая о его низости, потому что он «красивыми и громкими словами так прикрывал свою низость, что казался

подобием Гектора или Ахилла». Прапорщик этот взял собой на Кипр жену, красивую и честную женщину, которую жена Мавра настолько полюбила, что проводила с ней большую часть времени. Был в отряде Мавра еще некий Капитан, которого Мавр очень ценил, вследствие чего и Диздемона проявляла к нему большое расположение, что было весьма приятно Мавру.

Порочный Прапорщик влюбился в Диздемонку и пытался заговорить с ней о своем чувстве, но она делала вид, что не понимает его намеков. Тогда Прапорщик вообразил, что причина этого в ее благосклонности к Капитану, и захотел не только устранить соперника, но и отомстить ей самой за равнодушие. Он стал придумывать способ, как убив Капитана, отнять возможность наслаждаться любовью Диздемоны не только у этого последнего, но и у Мавра.

Он задумал обвинить ее перед Мавром в супружеской измене, но зная открытый характер Мавра, его доверие к жене и дружбу к Капитану, побоялся сделать это прямо и решил ждать подходящего случая. «Вскоре после этого случилось, что Мавр разжаловал Капитана что тот, напившись, обнажил меч и ранил солдата, стоявшего на страже». Диздемона стала усиленно ходатайствовать перед мужем за Капитана. Этим и решил воспользоваться Прапорщик, осторожно намекнув Мавру на то, что у Диздемоны есть особая причина хлопотать за Капитана. Мавр не понял намек, но все же стал что-то подозревать. После новых просьб Диздемоны он решил заставить Прапорщика высказаться до конца. Тот «сначала сделал вид, что не хочет говорить Мавру ничего неприятного, но затем, словно уступая его просьбам, сказал: — Я не могу уклониться от ответа, но меня крайне мучит, что я вынужден говорить о том, что для вас тягостнее всего». И он обвинил Диздемонку в тайной любви к Капитану, особенно будто бы возросшей после того, как ей «стала противна чернота мужа». Мавр в бешенстве набросился на Прапорщика, который стал жаловаться на то, что его правдивость оказалась так плохо оценена: «Сам Капитан говорил мне об этом как человек, которому его счастье кажется неполным, если он не поделится им». И он добавил: «Если бы я не боялся вашего гнева, я убил бы его, но если рассказ о том, что должно бы быть для вас важнее доставляет мне такую незаслуженную награду, то уж лучше я помолчу, чем стану навлекать на себя вашу немилость».

Мавр потребовал решительных доказательств, в противном случае угрожая убить Прапорщика. Тогда тот задумал воспользоваться платком с мавританским узором, который Мавр, очень ценивший его, подарил жене. Он подучил свою трехлетнюю дочь, которую Диздемона очень любила, стащить у нее платок, который затем Прапорщик подбросил Капитану. Тот,

узнав платок и недоумевая, каким образом он попал к нему, выбрал минуту, когда Мавр отлучился, чтобы пойти к Диздемонке и отдать ей платок; но неожиданное возвращение Мавра помешало ему сделать это.

Мавр поручил Прапорщику вывести всю правду у Капитана, устроив так, чтобы Мавр, спрятавшись, мог видеть, как они разговаривают. Прапорщик стал беседовать с Капитаном о разных посторонних вещах, оживленно жестикулируя, хохоча и всячески выражая изумление; а когда Капитан ушел, он сообщил Мавру, что Капитан подробно ему рассказывал о своих любовных свиданиях с Диздемонкой, которая при последней встрече будто бы подарила ему платок. Когда Мавр спросил у нее, где платок, она побоялась сказать ему о пропаже и стала уверять, что, должно быть, куда-то его засунула.

После этого Мавр решил убить Диздемонку, а вместе с ней и Капитана и стал обдумывать, как бы совершить это безнаказанно. Диздемонка заметила, что он стал сумрачен, что обращение его с ней изменилось, и стала допытываться о причине, но он отделивался разными отговорками. Диздемонка горько жаловалась жене Прапорщика: «Не знаю, что и подумать о Мавре; он всегда был полон любви ко мне, но в последнее время стал совсем другим человеком», и попросила ее разузнать у мужа, что, собственно, произошло. Та узнала от Прапорщика о намерении Мавра убить Диздемонку, но не решилась открыть ей это.

Между тем Мавр стал требовать у Прапорщика новых доказательств. Случай помог Прапорщику. В доме Капитана жила женщина, умевшая превосходно вышивать. Увидев платок Диздемонки, она захотела снять с него узор. Прапорщик заметил, что, занимаясь вышиванием, она садится у самого окна, так что с улицы видно, что она делает. Он привел туда Мавра и указал ему на платок. Тогда Мавр окончательно решил умертвить Диздемонку, а также и Капитана и стал уговаривать Прапорщика убить последнего. Тот сначала отказывался, ссылаясь на осторожность и храбрость Капитана, но затем согласился. Однажды вечером, когда Капитан выходил из дома одной куртизанки, у которой он часто бывал, Прапорщик напал на него неузнанный и сильно ранил, в ногу. Когда на крик раненого сбежались люди, Прапорщик вернулся и стал «проявлять такое сочувствие Капитану, как если бы тот был его родным братом». После этого, решив, что нанесенная им рана смертельна, он удалился.

Чтобы убить Диздемонку и при этом избежать наказания, Прапорщик предложил Мавру такой план: наполнить чулок песком и бить им ее, пока она не умрет, — ибо такие удары не оставляют на теле следов; а потом, так как дом, где они жили, был очень ветхий, обрушить на ее тело потолок — и

все подумают, что произошел несчастный случай. Мавр так и сделал, причем убивал Дездемону не он сам, а по его приказанию Прапорщик. Ни у кого не возникло никаких подозрений.

Однако после смерти жены, которую он очень любил, Мавр затосковал. Он возненавидел Прапорщика и удалил его из своего отряда. Тот, замыслив отомстить Мавру, разыскал Капитана, который, хоть и потерял ногу, но к этому времени оправился, и предложил, если он поедет с ним в Венецию, открыть ему там, кто виновник его увечья. В Венеции Прапорщик рассказал, как и почему произошло убийство Дездемоны и ранение Капитана, обвинив во всем одного Мавра и умолчав о своем соучастии. Мавра призвали на суд, но, несмотря на пытки, он мужественно все отрицал, и его отпустили, присудив лишь к пожизненному изгнанию, где его вскоре затем убили родственники Дездемоны. Что касается Прапорщика, то он вернулся на Кипр, но там, «верный своему нраву», обвинил одного приятеля в том, что тот замыслил убийство своего врага. Обвиненный был подвергнут пытке, но так как он все отрицал, то в свою очередь подвергли пытке и Прапорщика, который при этом был так изувечен, что, вернувшись домой, вскоре умер жалкой смертью.»

«Так бог отомстил за невинность Дездемоны. А все то, что произошло, жена Прапорщика, которая все это знала, рассказала после его смерти так, как я здесь изложил».

Самое беглое сравнение этой новеллы с трагедией Шекспира показывает, что Шекспир не только сохранил весь ход развития основного драматического действия, но и точно воспроизвел огромное количество отдельных моментов и эпизодов, иногда даже весьма второстепенных имеющих не столько конструктивное, сколько чисто живописное значение. Наконец, хотя характеры главных персонажей — Отелло, Дездемоны, Яго, Кассио — разработаны Шекспиром очень самостоятельно, он и здесь прежде всего развил основные данные, содержащиеся уже в новелле. Особенно показательны места, взятые в нашем пересказе в кавычки.

Но вместе с тем чрезвычайно многое изменено Шекспиром или целиком им создано. Именно в данной пьесе особенно наглядным и интересным образом выступает творческий момент в использовании Шекспиром его источника. Основная линия его работы здесь — это стремление к конденсации в психологической разработке действия, достигаемой не путем упрощения и обеднения сюжета, а напротив — посредством внутреннего обогащения и углубления его. Но делается это Шекспиром не для того лишь, чтобы придать сюжету драматически удобную форму, но в первую очередь — ради углубления и даже коренной

перестройки идейного содержания.

Но прежде, чем перейти к детальному сопоставлению трактовки отдельных моментов в новелле и в трагедии, следует уяснить стилевую установку итальянского новеллиста.

2

XVI век — это эпоха высшего расцвета гуманистических идей. Но вместе с тем это эпоха раскрытия трагического несоответствия между грандиозностью идеалов ренессансного гуманизма и возможностью их осуществления в конкретных исторических условиях. Уже первые результаты буржуазного прогресса и, одновременно с этим, усиление феодально-исторической реакции привели к крушению мечты о свободе человеческой личности от гнета всех стесняющих ее уз и предрассудков.

Но дело было не только в несовместимости идеалов гуманизма Ренессанса с реальными условиями эпохи, но и в том, что чаяния гуманистов оказались неосуществимыми ни на каком этапе развития классового общества.

Личность в понимании ренессансного гуманизма есть нечто абсолютно единое и цельное, лишенное сложности и развития, точка приложения действующих в ней и через нее сил, практическое единство образующих ее чувств, мыслей, влечений. Такая личность подобна геометрической точке, твердому атому старой, демокритовской физики. Таково восприятие личности у Боккаччо, Петрарки (несмотря на наличие осознанных им внутренних противоречий), Клемана Маро, Ронсара, Ариосто, Спенсера, Марло в самом начале его пути.

Соответствующим образом строится и представление о человеческом обществе, которое мыслится как свободный союз полноценных, жизнерадостных личностей. Таков, например, кружок рассказчиков «Декамерона» Боккаччо, а также и «Гептамерона» Маргариты Наваррской, такова Телемская обитель у Рабле. В такие ассоциации входят лишь «аристократы духа» — понятие, усиленно развиваемое ренессансным гуманизмом, в противовес феодально-средневековому понятию наследственного, родового аристократизма. Вопрос об охвате всего человечества, о создании государства обычно еще не ставится. В этих кружках нет структуры и нет развития, руководства и управления, ибо в них господствует дух абсолютной свободы и в то же время нет противоречивых интересов. Противоречия, раздоры, зло мыслятся как случайная и преходящая порча, отравы, занесенная со стороны.

В основе такого мироощущения лежит идея природы, как всегда только доброй силы (Физис Рабле, противопоставляемый им Антифизии, т. е. всему ложному и извращенному, злему), вера в доброту человеческой природы. Вспомним рассуждение Рабле о том, что все естественные влечения человека законны и что, если только их не насиловать, они приведут лишь к действиям разумным и моральным. Ренессансные гуманисты, настроенные идиллически, верили, что достаточно красноречивого увещевания или горячего призыва, чтобы побудить людей «отбросить эгоизм и начать помогать друг другу» — и тогда жизнь сразу станет прекрасной и счастливой. Такое утопически реформированное общество мы не раз встречаем в комедиях Шекспира его раннего (но не второго!) периода. Вспомним V акт «Венецианского купца», где все «благородные» и «великодушные» персонажи пьесы, собравшись вместе в загородном доме Порции, наслаждаются благоуханной лунной ночью, внимая «музыке небесных сфер», недоступной «черным душам», вроде Шейлока, или блаженную жизнь, какую ведут в Арденнском лесу изгнанники в «Как вам это понравится» (см. особенно сцену II, 1), или, в известном смысле, беспечно и безобидно веселящуюся компанию (сэр Тоби Белч, Мария и др.) в «Двенадцатой ночи».

Этому ренессансному гуманизму «истина» представляется как некий вполне достижимый абсолют, для овладения которым требуется лишь добрая воля, энергия и удача («фортуна»).

Этот мир «Декамерона» и юношеских поэм-романов Боккаччо, мир Лоренцо Великолепного и Полициано, Ариосто, Клемана Маро и Бонавентуры Деперье («Веселые забавы»), первых двух книг Рабле, поэм Эдмунда Спенсера, лирических комедий и ранних трагедий (как, например, «Ромео и Джульетта») Шекспира, — если можно так выразиться, *планиметричен*. Он не совсем плоский и имеет свои выступы и возвышения, как барельеф, но, по существу, лишен третьего измерения — глубины. В этом мире для достижения истины или счастья надо только долго и энергично плыть в верно найденном направлении, как доплыли Колумб или Васко да Гама до желанной гавани. Этот мир Ренессанса безбрежен и, следовательно, бесконечен во всех направлениях. Такой безбрежности, однако, было достаточно для возникновения чувства неисчерпаемости жизни и бытия, идеи неиссякаемой «фортуны» — идеи, столь характерной для авантюрного периода буржуазного общества. Это чувство питалось великими открытиями эпохи и смелой ликвидацией средневековых догм, производимой рациональным путем, логически, в свете показаний человеческих чувств и разума. Это ренессансно-

гуманистическое мироощущение в своей прекрасной наивности было насквозь оптимистично и, можно сказать, идиллично. Оно притом было индивидуалистично и эгоцентрично в своем упоении жизнью и ее раскрывающимися для личности беспредельными возможностями.

Однако, провозгласив освобождение человеческой личности, такое мировоззрение оказалось неспособным решить практически вопрос о формах организации общества и государства, где идеал свободы мог быть реализован. При первом столкновении с действительностью — с силами феодально-католической реакции и с практикой первоначального накопления — его прекрасные иллюзии рухнули. Это должно было привести отнюдь не к капитуляции гуманизма вообще, а лишь к перевооружению его для дальнейшей, более суровой борьбы, к преодолению ренессансного «прекраснодушия», к выработке более глубокого (чем раннеренессансное) гуманистического мировоззрения, а именно — расширенного и более критического понимания человеческой личной человеческих отношений. И эти последние и человеческая личность начинают теперь раскрываться в их сложности, противоречивости и развитии.

Важнейшей вехой здесь является учение Монтеня о человеческом «я», которое едино, но не единообразно, которое полно противоречий непрерывно изменяется, приспособляясь к окружающим условиям и приспособляя их к себе, способно к бесконечному развитию. Стоящее в тесной связи с этим монтеневское *que sais-je?* (что я знаю?) — не капитуляция разума, а признание того, что истина, благо и счастье не окостеневшие формулы, а путь, искание и борьба.

Аналогичное изменение происходит и во взглядах на человеческое общество, иначе говоря, на государство. Последнее понимается теперь как сочетание противоположностей, лежащих в разных плоскостях, как сложная, непрерывно развивающаяся конструкция, как единство разнородных и частью противоречивых сил, в котором общее благо осуществляется посредством гармонической координации частей и подчинения частных интересов потребностям целого.

Так же, наконец, представляется теперь и мир, взятый в целом, этот «макрокосм», сложный и многопланый. Сокращенным подобием его является государство (сравнение, нередкое у Шекспира: см., например речь Улисса в «Троиле и Крессиде», I, 3), а еще более сокращенным — человеческое «я», этот «микрокосм» (как говорит Лир, «малый мир, именуемый человеком», IV, 6, 137). Такой мир, такое государство и такая личность способны не только к росту или изменению, но и к

трансформации (см., в отличие от «вырастающих» Джульетты или Ромео, трансформации, происходящие с Гамлетом, Лиром, Эдгаром, Макбетом, Кориоланом, Клеопатрой). Мир (как общество, так и человек) приобретает глубину, становится *стереометричным*: это вечно меняющееся, многопланное, по существу, бездонное целое.

Это новое восприятие мира и человека, преодолевающее ренессансную упрощенность и прекраснодушный догматизм, могло получить двоякого рода направленность в зависимости от того, кем оно использовалось — прогрессивными силами (в частности, гуманизмом) или реакцией.

В эту эпоху систематических усилий церкви поставить все достижения светской мысли на службу своим собственным интересам реакция не преминула, конечно, использовать эту новую концепцию и человека в своих целях. Прежде всего, идея «однопланности» истины была здесь подменена учением о «множественности» ее. Старая дуалистическая доктрина (добро и зло, вера и знание, земная жизнь и небесная, *realio* и *realiora*) оказалась превосходной подготовкой и как бы частным случаем утверждаемого теперь плюрализма. Получалось, что «истин» (или, соответственно, норм, ценностей, критериев) могло быть и более, чем две, например: 1) мир практических интересов; 2) мир идеальных сублимированных чувств (в литературе — позднерыцарские и пасторальные романы); 3) мир опытной науки; 4) мир рациональной философии; 5) мир религии.

Такой плюрализм (или дуализм) бывал и у людей Возрождения: вспомним душевную борьбу у Петрарки или рецидивы религиозно-аскетических настроений у Боккаччо. Но ими это переживалось как тяжелый внутренний конфликт, требующий разрешения. В позднем Ренессансе, к концу XVI века, такая двойственность переживается спокойнее, и объективный смысл ее — в размежевании критериев (норм, ценностей) духовных и материальных, истины религиозной и истины, даваемой рациональным и эмпирическим знанием, в целях обеспечения второй из них полной автономности и, следовательно, возможности свободного развития (Бэкон, Шаррон и т. д.)

Теперь же мы имеем совсем другую концепцию. Две или даже несколько противоречивых истин вызывают у человека чувство трагической расщепленности сознания, полной душевной растерянности. От раскрывшихся глубин мира и человеческой психики, от ощущения их бездонности человека охватывало головокружение; он испытывал настоятельную потребность в том, чтобы свести все это к единству, но сам, собственными силами не в состоянии был это сделать. Все недостоверно,

все превращается в хаос. И тут является услужливый духовник, берущий растерявшегося человека за руку и выводящий его из лабиринта. Истин много, но все они условны и относительны. Настоящая же, абсолютная истина только одна — истина религиозная, по отношению к которой все остальные «истины» занимают служебное положение. Жизнь и все связанное с ней «есть сон» — не совершеннейшая иллюзия, но относительная, не полная реальность, которую можно и должно принимать ради практических надобностей, даже ради наслаждения, но которую надо всегда быть готовым отклонить, отодвинуть на задний план ради единственной «подлинной» истины религиозного откровения. Отсюда возникающее во второй половине XVI века знаменитое учение иезуитов о «двух истинах», нашедшее такое интересное полемическое отражение в шекспировском «Макбете»²⁰. Но подобную же доктрину можно найти и у протестантов — у некоторых представителей «метафизической» школы и особенно у доктора Брауна, учившего о существовании «высшей» религиозной истины, господствующей над истиной «низшей», земной. Все это не исключало струи гедонизма, но с отмеченным уже выше оттенком. На этой почве вырастает искусство «классического барокко», широко использующее все вышеописанные приемы этого стиля. Искусству этому чрезвычайно свойственны мистическая эротика, манящий ужас наслаждения, чувство «греховности» человека («Севильский озорник» Тирсо де Молины, лирика испанских мистиков, драмы ужасов и сладострастия Уэбстера и Форда и т. п.).

С другой стороны, у наиболее передовых мыслителей и художников эпохи эта новая точка зрения на мир и человека привела к углублению гуманистических идеалов, к возникновению трагического гуманизма. Его лучшие представители в искусстве — Шекспир второго периода и Сервантес, Рембрандт, в известном смысле Микельанджело, Леонардо да Винчи. Новый этап гуманизма — это осознание трагедии человека в частнособственническом и притом рефеодализирующемся обществе, разумение всей тяжести борьбы, которую человек ведет с этим обществом, — борьбы, не всегда сулящей успех и порой почти безнадежной, но все же всегда и во всех случаях необходимой. А вместе с тем — это осознание того, что ренессансное мировоззрение с его идиллическим оптимизмом и упрощенностью недостаточно вооружает для такой борьбы, что для нее нужен более сложный арсенал идей, чем заготовленный гуманизмом XIV-XV веков.

Трагический гуманизм считал, что если даже победа при данных условиях и невозможна, то все же надо бороться хотя бы мыслью, стараясь

вникнуть в сущность неразрешимых конфликтов, так как мысли есть залог будущей реальной победы над злом. Так, Гамлет у Шекспира борется мыслью и за мысль: поскольку восстановить расшатанный век (I, 5, в конце) — задача неосуществимая, то мысль, разумение становится его действием. Точно так же мысль наряду с действием стала делом всей жизни Монтеня.

Для уяснения всей трудности борьбы, которую человеку надлежит вести с окружающим обществом и с самим собой, Шекспир раскрывает все соблазны и все иллюзии, встающие на пути человека. Рост личности для него — это история непрерывного ее восхождения путем преодоления пережитых ею ступеней и форм своей сущности. Поэтому Шекспир второго периода, так же как, например, Сервантес, и во всем заменяет статическое динамическим, структурное — функциональным, формулу — анализом, догму — критикой, всюду внося тонкие различия и момент относительности, устанавливая этапы в развитии личности и человеческих отношений или конфликтов.

Для художественного выражения такого гуманистического (в новом, осложненном смысле слова) миропонимания вышеописанные средства стиля барокко были столь же пригодны и столь же необходимы, как и для выражения миропонимания «классического», реакционного барокко. Разница, однако, в том, что там это непрерывное внутреннее движение и просветы в бездонное порождали ощущение хаоса и иррациональности бытия, здесь же вся эта сложность пронизана внутренним порядком, подчинена общему, объединяющему закону. Это прекрасно выразил один старый английский критик, обладавший большой художественной интуицией, Э. Дауден, когда он резюмировал так свое общее впечатление от «Короля Лира»: «Все в трагедии движется, и это движение — полет бури. Вот только что нам заглянула в лицо комическая голова, но она внезапно изменяет и дистанцию и выражение: она уносится в даль и теряется в ней, причем комическая экспрессия ее глаз и рта сменилась печальным и страдальческим выражением. Все вокруг нас кружится и колеблется под натиском бури, но мы тем не менее сознаем, что над всеми этими изменениями и кажущимся беспорядком господствует закон. Мы верим, что в этой буре есть логическая последовательность. Каждая вещь как будто сорвана со своего настоящего места и лишилась своих устоев и поддержек. Однако все в этом кажущемся хаосе оказывается поставленным на свое место с безошибочной уверенностью и точностью».

Остановимся на главнейших моментах, где Шекспир, как поэт и как мыслитель, проявил, обрабатывая сюжет новеллы Чинтио, глубокую

независимость и своеобразие.

Краткое упоминание новеллы о том, как началась любовь Мавра и Дездемоны, Шекспир превращает в широкую, заполняющую весь I акт картину истории этой любви, которая вместе с тем определяет особый характер их отношений, проливающий свет и на характер последующей ревности Отелло.

Мавр часто бывал в доме отца Дездемоны и подробно рассказывал всю свою жизнь, полную великих лишений, трудов и опасностей. Дездемона жадно слушала его рассказы и через них узнала Отелло, поняла его натуру до конца и полюбила его. На упрек Брабанцио в том, что он приворожил его дочь колдовством, Отелло отвечает: «Я ей своим бесстрашьем полюбился, она же мне — сочувствием своим» (I, 3).

Но, с другой стороны, когда окружающие удивляются, как могла Дездемона полюбить темнокожего, она отвечает: «Для меня краса Отелло — в подвигах Отелло».

Их соединила не воля родителей, не какой-либо расчет (основные стимулы аристократических и мещанских браков), даже не стихийный чувственный порыв друг к другу, как, например, Ромео и Джульетту²¹, а глубокое взаимное понимание, полное приятие одного существа другим — самая высокая форма человеческой любви.

С этим тесно связан и характер ревности Отелло: это не уязвленное чувство чести (как, например, в драме Кальдерона «Врач своей чести»), но это и не мещанское чувство мужа-собственника, на права которого посягнули. Это чувство величайшей обиды, нанесенной абсолютной правдивости и доверию, соединившим Отелло и Дездемону. Лживость Дездемоны — вот что приводит Отелло в исступление²². Ревность его в моральном отношении того же порядка, что и любовь.

Но если для такой концепции возникновения любви Мавра и Дездемоны в новелле и есть кое-какие задатки, то ревность Мавра обрисована там в других, диаметрально противоположных тонах.

Продолжая сравнение с новеллой, отметим, что Шекспиром точно так же радикально изменен финал повести. Он отбросил весь конец новеллы с описанием случайной гибели Мавра и Прапорщика, которое своей ненужной авантюристкой лишь ослабляет впечатление от основной драмы, уводя внимание в сторону. Такой финал, конечно, разбил бы всю идейно-моральную концепцию Шекспира.

Отметим еще ряд других, более мелких, но все же существенных и принципиальных отклонений.

Шекспир отбрасывает несколько натянутый (и, кстати сказать,

сценически неосуществимый) эпизод похищения платка маленькой девочкой и приписывает этот поступок слабохарактерной Эмилии. Упомянутую вскользь куртизанку и отяжеляющую действие вышивальщицу (с нагромождением неправдоподобных случайностей) он сливает в одну, очень красочную фигуру Бьянки. Ссылку Прапорщика на хвастовство Капитана своей победой над Диздемоной Шекспир заменяет гораздо более тонкой выдумкой Яго о признаниях Кассио, сделанных им во сне. Беглое упоминание о ранении Капитаном солдата он разворачивает в яркую сцену роковой попойки, где подчеркивается неустойчивость Кассио в отношении вина, характерно сочетающаяся с его слабостью к женскому полу (Бьянка). Шекспир отбрасывает непосредственное участие Прапорщика в убийстве Диздемоны (заодно упраздняя уродливый мотив чулка с песком), чем моральная виновность Яго во всем свершившемся (Яго «убивает Дездемону руками Отелло») еще ярче и выразительнее подчеркивается. Равным образом Шекспир уничтожает фальшиво звучащий мотив любви Прапорщика к Диздемонне, выдвигая как главную причину действий Яго мотив, найденный им в самом конце новеллы, уже по окончании главного ее действия (разжалование Прапорщика Мавром); искусно используя этот мотив, Шекспир переносит его в начало действия и делает одним из узловых. Шекспир отменяет чрезмерно очерняющее Эмилию обстоятельство, что, зная о губительных намерениях Мавра, она не предупредила о них Дездемону. Вообще же, превратив Эмилию из случайной знакомой Дездемоны, лишь моментами соприкасающейся с основным действием, в служанку героини, он сделал ее органической участницей всей трагедии и необходимым ее звеном.

Наряду с этим Шекспир создал целый ряд новых персонажей, интересных притом не в качестве отдельных личностей, но в качестве представителей разных общественных групп, образующих в целом глубокий социальный фон трагедии. Широко показана вся верхушка венецианского общества: ее правительство — дож, Брабанцио (довольно подробно очерченный, в отличие от новеллы), Грациано, Лодовико, все остальные сенаторы. Достаточно обозначены путем введения Монтано и нескольких сцен или метких штрихов солдатская среда и обстановка военной жизни, как и вся атмосфера тревоги, напряженного ощущения плаванья по бурному морю и жизни на угрожаемом турками острове. Наконец, введена типичная и принципиально важная фигура Родриго, паразитарного дворянина — антипода насквозь мужественного, честного и деятельного Отелло, всем обязанного одной лишь своей доблести.

Уничтожив некоторый упрощающий схематизм и гиперболизм в

обрисовке персонажей новеллы, Шекспир создал разносторонние, вполне живые характеры, вложив в них глубокое содержание и увязав их с той обстановкой, в которой они живут и действуют. В частности в корне переработан характер Мавра, чрезвычайно облагороженный Шекспиром и освобожденный от «расовой» окраски, довольно сильной в новелле. Отелло у Шекспира внешне остался Мавром, но по существу он гармонически развитый человек, богато одаренный и честный, всегда логично мыслящий, отнюдь не болезненно вспыльчивый, но только повышенно ко всему восприимчивый. Его любовь к Дездемоне гибнет в результате того, что оба они попадают в недостойную, морально неравноценную им среду. Чрезвычайно выиграл также образ Яго, являющийся у Шекспира не «принципиальным злодеем», любящим зло ради зла (оттенок чего чувствуется в новелле), а также вполне нормальным, здравомыслящим и логично действующим человеком, но только циником и хищным аморалистом, который из чувства обиды за то, что его обошли по службе, не колеблясь, совершает ужасающие злодеяния.

4

Шекспир, однако, не ограничился переосмыслением побуждений и действий персонажей своей трагедии. Углубляя и разрабатывая характеры, набросанные итальянским новеллистом, он радикальным образом их перестроил, вложив в их смысл и назначение совершенно новое содержание, открывая новый мир, который и не грезился итальянскому новеллисту. Этот мир основан на трех образах, вступающих между собой в самые удивительные связи и отношения.

Первый из них, естественно, сам Отелло. Это одно из самых замечательных созданий Шекспира. Его Отелло соединяет в себе черты варварства и высшей духовной культуры, первобытную свежесть и пылкость чувств со светлым разумом. «Мавр»²³, то есть, по понятиям того времени, наполовину дикарь, он с юных лет поступил наемником на службу Венецианской республики и на этом пути достиг высоких чипов, сделался венецианским полководцем и стал вхож в дома венецианских сенаторов. Здесь он познакомился с дочерью Брабанцио, влюбился в нее и рассказом о своих подвигах и испытаниях внушил ей ответную любовь, которая и привела к браку.

С этой любовью Отелло открылся целый мир — мир красоты и гармонии, пришедший на смену прежнему «хаосу» в его душе, возвращения которого он, начав ревновать, так боится. Его любовь к

Дездемоне, основанная на доверии, беспредельна: он любит ее, даже когда перестает ей верить, и ради этой любви готов пойти на унижение. Потеряв Дездемону, он должен вернуться к своему одиночеству, ибо в связи с его суровым ремеслом воина у него было много сотоварищей, но, в отличие от Ромео, Гамлета, Лира (Кент, шут), никогда не было друга. Любовь Отелло к Дездемоне и ненависть к ней сплетаются во взаимной борьбе. Нежность к Дездемоне сохраняется у Отелло до конца: убивая ее, он боится причинить ей боль, он оберегает ее от малейшей царапины, и, когда Дездемона стонет, он убивает ее, чтобы прекратить ее страдания.

Старый вопрос: «ревнив ли Отелло?» (подразумевая под «ревностью» болезненную и преувеличенную подозрительность) — можно считать давным давно поконченным. Нет надобности приводить тут мнения как литературных критиков, так и деятелей театра, единодушно дающих на этот счет отрицательный ответ. У нас, в частности, полную ясность внес в этот вопрос Пушкин, сказавший: «Отелло от природы не ревнив — напротив: он доверчив»²⁴. По собственному признанию Отелло (в конце пьесы, перед тем как он закалывается, то есть в такой момент, когда герои Шекспира в своих признаниях бывают предельно откровенны и правдивы), он «был не ревнив, но в буре чувств впал в бешенство». Отелло долго сопротивлялся наущениям Яго и сдался лишь перед лицом, как ему могло показаться, совершенно убедительных фактов. Но эти факты говорили ему об утрате Дездемоной не столько *чести*, сколько *честности*. Он рассуждает: «Оставляю ей жизнь — других будет обманывать». «Таков мой долг. Таков мой долг», — говорит Отелло, приближаясь к ложу спящей Дездемоны, чтобы ее задушить. Ибо его сильнее всего оскорбляет то, что он считает ее «лживостью». Вместе с доверием к Дездемоне Отелло утратил и веру в человека, в возможность правды на земле. Именно в этом, и ни в чем другом, заключается его трагедия.

Своей нравственной красотой, светом, исходящим от нее, Дездемона так же возвышается над окружающими, как и Отелло. Воплощение женской нежности, она в то же время является примером человеческой доблести, смелости, мужественности. Слушая рассказы Отелло о его подвигах, она сожалеет, что бог не создал ее мужчиной (подобное сожаление высказывала, как передают, и современница Шекспира Мария Стюарт); она бежит из дома отца, одна в гондоле бурной ночью, среди венецианских головорезов, к смуглокожему возлюбленному; она отвечает в сенате после назначения Отелло наместником Кипра на вопрос — не предпочтет ли она на время его отсутствия остаться в Венеции: «Я полюбила мавра, чтоб везде быть вместе с ним», а не для того чтобы «в

разгар его похода остаться мирной мошкой в тылу», и Отелло встречает ее приезд на Кипр на особом корабле веселым возгласом: «Моя воительница!»

В свои светлые часы Отелло отвечает Яго на его нашептывания: «Меня не сделают ревнивцем признание света, что моя жена красива, остроумна, хлебосольна, умеет общество занять, поет и пляшет... « И о том же говорит распеваемая ею «песенка об иве», в ее интерпретации совсем лишенная мрачного оттенка. Наметкой, помогающей понять ее душевное состояние, весь свет, исходящий от нее, может служить тут же вырывающееся у нее восклицание: «Неплох собою этот Лодовико».

Но особенно пленительны и трогательны «три святых обмана» Дездемоны (как их любят называть английские критики). Первый — побег Дездемоны к Отелло из дома отца, второй — уклончивость в вопросе о платке и третий — когда на вопрос Эмилии: «Кто убийца?» она отвечает: «Никто. Сама».

Антиподом и Отелло и Дездемоны — двух натур, глубоко друг другу родственных, является Яго — воплощение всех самых низменных начал человеческой природы. Конечно, видеть в нем персонификацию зла, существо, любящее зло ради зла, как это делала старая романтическая критика (а в более позднее время — А. Блок), сейчас мы уже не можем: слишком уж четко выступает конкретная мотивировка действий Яго и их социально-исторический смысл; Яго — типичный представитель хищнического индивидуализма, жестокий и циничный, подобно Ричарду III или Эдмонду Глостеру в «Короле Лире». У него своя философия, с помощью которой он оправдывает совершаемые им злодеяния. Философия эта, в сущности, сводится всего к двум принципам, теоретически слабо друг с другом связанным, но практически довольно хорошо совмещающимся: это абсолютный релятивизм, утверждающий, что всякая вещь существует лишь поскольку мы ее ощущаем и что если мы ее не чувствуем, то, значит, ее и нет; а второй принцип много проще: это «набей потуже кошелек» (I, 3) — припев, с помощью которого он пытается поработить Родриго и извлечь из него все, что только можно, а затем выбросить его как выжатый плод.

Ясно, насколько такое мировоззрение непримиримо с мироощущением как Отелло, так и Дездемоны. И отсюда понятна ненависть Яго к обоим, что и делает его злобу к ним такой предвзятой и непримиримой. «Я не перевариваю мавра», — говорит он. Подобно тому как «в жизни Кассио есть некая красота», делающая его нестерпимым для Яго, так же несносны для него и Отелло с Дездемоной: первый оскорбляет Яго своим величием, вторая — своей чистотой. Они претят ему, они его терзают одним лишь

тем, что существуют, ибо Яго насквозь до конца аморален. Отсюда, по выражению английских критиков «поиски мотивов» у Яго для его ненависти к Отелло: если бы даже последний и не обошел его по службе, сделав своим лейтенантом Кассио, все равно — Яго нашел бы оправдание для смертельной ненависти к мавру (например, вымышленная Яго супружеская неверность Эмилии, в постель к которой якобы «скакал» Отелло). Вот источник идеи о «демонизме» Яго, обожающего зло ради зла. Но свою низость Яго прикрывает маской солдатской прямоты, правдивости. И ему удастся обмануть других, в том числе и Отелло. Отсюда постоянный припев Отелло: «Честный Яго! Мой честный Яго!..»

Яго проповедует свои «принципы» так пылко и настойчиво, что способен заразить ядом своей философии и других, в том числе самого Отелло в момент наибольшего помутнения его разума. Он говорит (и мы словно слышим голос Яго): «Тот не ограблен, кто не сознает, что он ограблен» и еще: «Я был бы счастлив, если б целый полк был близок с ней, а я не знал об этом» (III, 3). Но мы хорошо понимаем, что у Отелло такие мысли — болезнь, наваждение, что он и Яго — полярно противоположны, до конца враждебны друг другу.

Но Яго свойственна еще другая форма релятивизма, более утонченная и потому еще более мерзкая — это стремление все мерить на свой аршин и потому все унижать и марать. Он говорит про Дездемону: «Я сужу по себе и потому знаю, чем она станет». Это постоянное сопоставление других душ со своей собственной, ничтожной и низменной, придает всем его суждениям ограниченность и будничность, грязное уродство.

Яго вообще дан в трагедии как предельная антитеза Отелло. В двух случаях антитеза эта особенно подчеркнута: в том, что касается брака Яго, рассудочного и случайного, лишённого поисков, взлета, борьбы за чувство, и в вопросе о ревности Яго, который ревнует Эмилию, но исключительно лишь во имя оскорбленного чувства чести (вернее, быть может, из самолюбия), тогда как до самой жены ему нет дела. Мы имеем здесь одно из тех мелких противопоставлений, которые усиливают рельефность шекспировских антитез (Гамлет и Лаэрт, Гамлет и Горацио, Ромео и Бенволио и т. д.).

В глухой, незримой борьбе, которую Отелло и Дездемона обречены вести с Яго, они могли бы найти опору и помощь в окружающих, если бы могли в них встретить натуры, однородные и равноценные себе, иначе говоря, столь же чистые и светлые. Но таких натур вокруг них нет. В этой трагедии Шекспира мы нагляднее, чем в большинстве других его пьес, можем наблюдать искусство, с каким он орудует тонкими, едва заметными

оттенками, создавая образы, в общем, вполне положительные, но все же лишенные законченного морального совершенства, которое могло бы поставить их на одну доску с протагонистами трагедии. Таких образов в данной трагедии, в основном, два: Эмилия и Кассио. Анализ их характеров тем более интересен, что все отмечаемые ниже черты их, придающие им такую сложность, добавлены Шекспиром и в его источнике (в новелле Чинтио) полностью отсутствуют.

Критиками уже давно отмечена сложность характера Эмилии, которая в конце пьесы из легкомысленной субретки превращается в истинную героиню. То, что характеризует Эмилию до последнего акта, должно быть вызвано не моральной неполноценностью, а душевной незрелостью, недоразвитостью. Когда на вопрос Дездемоны, могла ли бы она изменить мужу хотя бы «за целый мир», Эмилия отвечает: «За целый мир? Нешуточная вещь! Огромный мир — не малость за крошечную шалость» (IV, 3), — мы понимаем, что это лишь шутка, ни о чем, в сущности, не говорящая, хотя она и неприятно звучит в драматически очень тяжелый момент и к тому же в устах отнюдь не комического персонажа. Точно так же, когда Эмилия крадет у Дездемоны платок, она это делает, несколько не думая о последствиях и лишь из желания угодить мужу (III, 3). Можно поэтому говорить лишь о ее слепоте, не о порочности. Но в последних сценах Эмилия необычайно вырастает. Ее моральный триумф не в том даже, что она умирает за правду, разоблачая Яго, а в том, что она умирает без единой жалобы и с обрывком на устах той самой песни, которую перед смертью пела Дездемона (V, 2).

Менее уяснен критикой характер Кассио, который обычно трактуется как личность морально безупречная, хотя и несколько бледная. Однако моральные изъязы Кассио не менее существенны, чем изъязы Эмилии, хотя они и более завуалированы. Кассио, конечно, от начала до конца душевно чист, и это очень хорошо формулирует Яго, когда говорит о нем: «Есть в жизни Кассио каждодневная красота, которая мешает мне жить» (V, 1, — перевожу дословно). Однако в «красоте» Кассио есть целый ряд «пятнышек», поданных, правда, так легко и замаскированно, что они остаются почти незамеченными, хотя и оказывают на зрителя определенное действие, придавая образу Кассио оттенок какой-то бесцветности и неполноты.

Это прежде всего его способность хмелеть от первой рюмки (см. сцену попойки, II, 1). Безусловно, слабая сопротивляемость организма алкоголю не могла рассматриваться Шекспиром как нечто порочащее человека; однако подчеркивание этого свойства без всякой видимой надобности

объективно снижает образ²⁵. Но еще важнее то, каков Кассио во хмелю. У него определенно не «веселое», а «хмурое» вино, он легко возбуждается, заводит ссоры, дерется. Не есть ли это, согласно известной пословице, проявление задатков, заложенных в его характере даже и тогда, когда он находится в нормальном состоянии? Яго говорит о нем Родриго: «Он вспыльчив и от слов легко переходит к действиям. Вызовите его на них» (II, 1), и у нас нет причин сомневаться в правильности этой характеристики. Больше того, хмурость и задиристость могут проявляться весьма неодинаково и по очень различным поводам. У Кассио хмурость во хмелю носит не просто злобный, но и оскорбительный характер, способствуя проявлению его надменности, презрительного отношения к ниже стоящим людям. С удивительной бестактностью он напоминает Яго, обойденному чином, о его неудаче, когда заявляет, что «помощник капитана должен спастись раньше поручика» (II, 3), и в следующей за этим ссоре его с Монтано при всей неясности ее причин (ибо она началась за сценой) лейтмотивом звучит все та же надменность Кассио: «Учить меня! Читать мне наставленья! Да я его в бутылку загоню!» (II, 3).

То, что Кассио водится с куртизанкой, не содержало в себе, по понятиям того времени, ничего позорного. Но все же это бросает какое-то пятно на его облик, сокращая возможность каких-либо более высоких чувств с его стороны, снижая круг его интересов и влечений. Шекспир ни при каких условиях не изобразил бы в аналогичном положении Отелло, Гамлета или, скажем, Эдгара. Добавим еще, что Кассио иногда бывает груб с Бьянкой, что не делает ему чести. Интересно, что после постигшей его катастрофы, когда, по его уверению, ему не дают покоя терзающие его стыд и досада, он считает возможным (в сцене, где его подслушивает Отелло, IV, 1) весело шутить и смеяться по поводу своих отношений с Бьянкой. Но тут же отметим, что момент этот чрезвычайно смягчен тем, что в этой сцене все внимание зрителя сосредоточено не на Кассио, а на Отелло (и отчасти на Яго) и что весь эпизод служит не характеристике персонажа, а интриге трагедии в целом.

Наконец, даже самый тот факт, что Кассио хлопочет о своем восстановлении в должности (хотя бы и не по личному почину, а по коварному совету Яго) не прямо, а при посредстве жены своего начальника, рисует его в не очень красивом свете. Можно вспомнить здесь «Меру за меру», где одно то, что Клавдио, это воплощение слабости, решает прибегнуть к заступничеству сестры, — уже не говоря о том, что позже, узнав, какой ужасной ценой может быть добыто его спасение, он все же молит сестру пойти на эту жертву, — снижает его моральные качества. Но

Кассио обращается к помощи Дездемоны с такой доверчивостью и простодушием, что некоторая неблагоприятность его поведения не доходит полностью до сознания зрителя. И в этом — чувство меры Шекспира и его удивительное искусство нюансов.

Теневые и светлые черты так же перемешаны в характере Кассио, как и в характере Эмилии, с тем лишь различием — и здесь сказывается богатство художественных ресурсов Шекспира, — что в Эмилии они даны в раздельности и последовательности (от темного к светлому), тогда как в Кассио они одновременны и слитны.

Во всем этом мы имеем выражение не столько порока, сколько *слабости*, своеобразную смесь «чистого» (fair) и «грязного» (foul). И это в точности соответствует замыслу трагедии. Вокруг Отелло разлита не подлость (как вокруг Гамлета), а лишь слабость, и от Отелло, который, согласно заключительному определению Кассио, «был во всем велик душой» (great of heart; V, 2), его ближайшие спутники отличаются не низостью, а лишь малодушием.

Такое же сплетение оттенков мы находим, кстати сказать, и в других, менее крупных образах трагедии: в Бьянке можно найти черты сердечности, Брабанцио далеко не такой глупец и жалкий шут, каким его очень часто изображают на сцене, и т. д.

Известная немецкая писательница-эмигрантка Матильда фон Мейзенбург рассказывает в своих мемуарах, что в один из самых печальных дней своего изгнания, в Лондоне, когда, утомленная борьбой, она была близка к самоубийству, ей довелось видеть «Отелло», и в тяжелом зрелище несчастий она почерпнула мужество для того, чтобы жить. Таково свойство шекспировских трагедий, вливающих веру в достоинство человека и ценность жизни, их всепобеждающий оптимизм.

Все действие трагедии происходит в обстановке боевой тревоги и накаленных страстей: в I акте — в суматохе и кипучей напряженности венецианской жизни, во всех последующих — на Кипре, перед угрозой нападения турецкого флота, среди кипения портовой жизни, празднеств и ночных драк, всяких опасных случайностей. Такова атмосфера, в которой разыгрывается этот простой случай из человеческой жизни, эта великая человеческая трагедия.

Окидывая трагедию об Отелло одним взглядом, выносишь о ней впечатление как об огромной симфонии, выдержанной в одной определенной тональности и основанной на развитии контрастов и на последовательном разворачивании простых и великих человеческих тем, — симфонии, в которой изображено столкновение между миром добра и

миром зла, завершающееся моральной победой первого. Эта победа заключается в том, что Отелло прозревает. Он плачет слезами радости, и, хотя он убивает себя, это не дикое отчаяние, а акт высшего правосудия, свидетельствующий о возвращении к нему веры в жизнь и доверия к человеку.

А. Смирнов

notes

Действующие лица.

Все имена действующих лиц, кроме Дездемоны, придумаем Шекспиром. Имя Отелло, нигде более не встречающееся, весьма неясного происхождения: оно похоже на итальянское уменьшительное от немецкого имени Отто. Есть, впрочем, не вполне достоверные сведения, что в Венеции существовала знатная фамилия Otello del Moro, в гербе которой эмблемой были тутовые ягоды, по-итальянски — того. Если один из этих Otello явился прототипом героя новеллы, можно предположить, что он вовсе не был мавром, а сделался им только в сказании, ввиду того что слово того значит также и мавр.

Яго (Jago) — одна из диалектных форм итальянского имени Ясоро или Giacomo — Иаков.

Дездемона — греческое слово, означающее Несчастная. Как оно попало в новеллу, откуда дальше перекочевало в трагедию, неизвестно.

Много споров вызвал вопрос об этнической принадлежности Отелло, ибо английское слово тоог (как и итальянское того), служившее о первоначально для обозначения жителей Мавритании, то есть области, соответствующей нынешним Марокко и Алжиру, стало затем применяться к жителям всех северных областей Африки — как к арабам, так и к берберам и неграм. В пользу принадлежности Отелло к последним говорит как будто наименование его «толстогубый» (thicklips, I, 1). Несомненно, однако, что Шекспир и зрители того времени не делали различия между этими племенами, объединяя их в общем представлении о темнокожих африканцах.

Кассио, его лейтенант. — Лейтенантом в старину назывался заместитель главного начальника (губернатора, полководца и т. п.). Таким образом, из всех лиц, служащих под начальством Отелло, Кассио имеет высший чин.

Яго, его поручик. — Слово, стоящее в подлиннике (ancient), буквально означает: «знаменосец», «знаменщик» (второй по важности офицерский чин после «лейтенанта»), В новой военной терминологии к этому ближе всего «адъютант». В прежних русских переводах трагедии Яго именовался «прапорщиком», от старинного значения слова прапор — «знамя».

Математик — грамотей, Микеле Кассьо некий. — Называя Кассио «математиком», Яго противопоставляет себя, делового солдата-практика, образованному, но не имеющему военного опыта Кассио.

Синьория — то же, что сенат, высший орган управления в старой Венеции.

Галера — торговое судно. «Сухопутная галера» на языке английских моряков — «женщина легкого поведения».

Марк Лукезе — то есть из Лукки. По-видимому, имя одного из наемных военачальников (кондотьеров), состоящих на службе Венецианской республики (имя это носил содержатель одной таверны в Лондоне). Очевидно, дож намеревался назначить командующим Марко Лукезе, но, так как он уехал, остался один выход — назначить Отелло.

Целует Эмилию. — Во времена Шекспира поцеловать в обществе незнакомую даму или девушку, если с ее стороны это не вызывало протеста, не считалось особенной вольностью.

Кассио вас не знает. — Кассио, конечно, знает Родриго в лицо; но, очевидно, Родриго исполнил совет, который Яго дал ему раньше (в конце сцены III, 1), — «изменить свою внешность поддельной бородой», — и благодаря этому стал неузнаваем для Кассио.

...эти дудки не из Неаполя? Что-то уж больно они поют в нос. —
Намек либо на «неаполитанскую болезнь», как в то время называли сифилис, либо на гнусавое произношение неаполитанцев.

Он крепко сжал мне руку... — В Англии времен Шекспира индивидуальные кровати были еще большой редкостью. Обычай спать с приятелями или с совсем чужими людьми в одной постели сохранялся до середины XVII в. даже среди высших классов общества.

Крови, крови, крови! — Смысл этого восклицания толкуется комментаторами по-разному. Одни полагают, что Отелло этим выражает желание пролить кровь Кассио и Дездемоны. Но нам представляется более правильным другое толкование: Отелло чувствует, как кровь приливает к его голове, и боится, как бы кровь не затмила его ясный разум.

Геллеспонт — древнегреческое название Дарданелльского пролива.

...горячая рука и — влажная. — Влажность ладони считалась признаком чувственности, сухость ее — признаком холодности.

Огонь и сера! — По христианским представлениям, дьяволы терзают грешников в аду с помощью горячей серы. Восклицание Отелло значит: «О, ад!»

Я рад, что ты забыла всякий стыд — Лодовико только что сообщил Отелло о приказе ему ехать в Венецию и о назначении на его место Кассио. Дездемона радуется только первому, но Отелло относит ее радость ко второму и спрашивает, не сошла ли она с ума, открыто проявляя радость по поводу удачи своего любовника.

...излюбленная песнь... про иву. — Старинная английская песня об иве дошла до нас в нескольких редакциях. Древнейший список ее относится к 1600 г.

Луны и солнца нет, земля во тьме, и все колеблется от потрясения. —
Представление о связи между затмениями и землетрясениями встречается у Плиния, английский перевод которого был издан в 1601 г.

...меч. Он закален в ручье, как лед, холодном. — О закалке испанских клинков в ледяной воде также говорится у Плиния.

Я копыт не вижу. — Отелло ожидает увидеть у Яго копыта, как у черта.

Спартанская собака. — Спартанские собаки, по уверению древних авторов, отличались особенной лютостью.

Equivocation (двусмыслицей, полуправдой) называет Макбет предсказание «вещих сестер», после того как узнает, что на него двинулся Бирнамский лес (V, 5, 53). Там же, в монологе привратника есть упоминание о попавшем в ад equivocator — «двурушнике», который давал показания против одной и другой стороны; он предавал людей во славу божию, но ему не удалось обмануть небеса (II, 3, 7-10). Комментаторы видят в этом намек на лживые показания допрошенного в марте 1606 г. по делу о «пороховом заговоре» иезуита Харснета, который ссылался при этом на существование «двух истин».

Отелло, прося дать Дездемоне разрешение сопровождать его на Кипр, подчеркивает возвышенный характер мотивов своего ходатайства: «Я не руководжусь влечением сердца, которое сумел бы заглушить. Но речь о ней» (I, 3).

При этом он продолжает страстно любить ее до момента и даже в самый момент убийства (V, 2). Относительно героя драмы Кальдерона «Врач своей чести» нельзя даже с уверенностью сказать, любит ли он свою жену; во всяком случае, в пьесе это очень слабо показано.

The moor — это слово на языке шекспировских времен могло значить как «мавр» (араб), так и «негр». Есть серьезные основания полагать, что Шекспир имел в виду второе значение (он не раз называется в трагедии — притом разными лицами — «черномазым» и «толстогубым»).

«Пушкин-критик», М., 1950, стр. 412.

Совершенно таким же образом Шекспир незаметно, не опорочивая его по существу, снижает образ Юлия Цезаря упоминанием о его эпилепсии и рассказом Кассия о том, как Юлий Цезарь вызвал его на состязание в плавании, а затем изнемог посреди бурного Тибра и был вынужден просить Кассия о помощи. Физическая слабость лишает Цезаря ореола величия так же, как она лишает Кассия ореола моральной силы.

А. Смирнов